

БОЛЬШИЕ NF КНИГИ

Зигмунд
Фрейд

ТОТЕМ И ТАБУ

♦
«Я» И «ОНО»

« А З Б У К А »

Non-Fiction. Большие книги

Зигмунд Фрейд

Тотем и табу. «Я» и «Оно»

«Азбука-Аттикус»

1901–1923

УДК 159.9
ББК 88.1

Фрейд З.

Тотем и табу. «Я» и «Оно» / З. Фрейд — «Азбука-Аттикус»,
1901–1923 — (Non-Fiction. Большие книги)

ISBN 978-5-389-21933-5

Зигмунд Фрейд – легендарный австрийский невролог, психолог и психиатр. Его работы единодушно признаются новой вехой и классикой психоанализа. Выйдя за рамки привычной его современникам медицинской психологии, Фрейд дерзко приписал всему человечеству скандальные мысли и побуждения. Споры вокруг психоанализа не утихают и сегодня, а труды Зигмунда Фрейда не только обогатили многие области современных знаний, но и оказали колоссальное влияние на мировую культуру во всех ее проявлениях. В настоящее издание вошли самые важные и увлекательные работы Зигмунда Фрейда, затрагивающие наиболее спорные и значимые темы психоанализа: детские страхи, психология сексуальности, связь древних культур с подсознанием современного человека, психопатология обыденной жизни и многие другие. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.9
ББК 88.1

ISBN 978-5-389-21933-5

© Фрейд З., 1901–1923
© Азбука-Аттикус, 1901–1923

Содержание

Психопатология обыденной жизни	6
Забывание собственных имен	6
Забывание иностранных слов	10
Забывание имен и словосочетаний	14
О воспоминаниях детства и воспоминаниях, служащих прикрытием	20
Обмолвки	24
Очитки и описки	37
Забывание впечатлений и намерений	41
Действия, совершаемые по ошибке	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Зигмунд Фрейд Тотем и табу. «Я» и «Оно»

БОЛЬШИЕ
NF
КНИГИ

Перевод с немецкого Андрея Боковикова, Рудольфа Додельцева, Владимира Медема,
Владимира Полянского

© А. М. Боковиков, перевод, 2006

© Р. Ф. Додельцев, перевод, 2013, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Психопатология обыденной жизни

Забывание собственных имен

В 1898 году я поместил в «*Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie*» небольшую статью «К вопросу о психическом механизме забывчивости»; содержание этой статьи послужит исходной точкой настоящего изложения. В ней я подверг на примере, взятом из моей собственной жизни, психологическому анализу чрезвычайно распространенное явление временного забывания собственных имен и пришел к тому выводу, что этот весьма обыкновенный и практически не особенно важный вид расстройства одной из психических функций – способности припоминания – допускает объяснение, выходящее далеко за пределы обычных взглядов.

Психолог, которому будет поставлен вопрос, чем объясняется эта столь часто наблюдаемая неспособность припомнить знакомое, по существу, имя, ограничится, скорее всего, простым указанием на то, что собственные имена вообще способны легче ускользать из памяти, нежели всякий другой элемент нашего психического содержания. Он приведет ряд более или менее правдоподобных предположений, обосновывающих это своеобразное преимущество собственных имен. Но мысль о существовании иной причинной зависимости будет ему чужда.

Для меня лично поводом для более внимательного изучения данного феномена послужили некоторые частности, встречавшиеся если и не всегда, то все же в некоторых случаях обнаруживавшиеся с достаточной ясностью. Это было именно в тех случаях, когда наряду с забыванием наблюдалось и *неверное припоминание*. Субъекту, сиюминутно вспомнить ускользнувшее из его памяти имя, приходят в голову иные, *подставные* имена, и если эти имена и опознаются сразу же как неверные, то они все же упорно возвращаются вновь с величайшей навязчивостью. Весь процесс, который должен вести к воспроизведению искомого имени, потерпел как бы известный сдвиг и приводит к своего рода подмене.

Наблюдая это явление, я исхожу из того, что сдвиг этот отнюдь не является актом психического произвола, что он, напротив, совершается в рамках закономерных и поддающихся научному учету. Иными словами, я предполагаю, что «подставное» имя или имена стоят в известной, способной быть вскрытой связи с искомым словом, и думаю, что если бы эту связь удалось обнаружить, этим самым был бы пролит свет и на самый феномен забывания имен.

В том примере, на котором я построил свой анализ в указанной выше статье, забыто было имя художника, написавшего известные фрески в соборе итальянского городка Орвието. Вместо искомого имени – Синьорелли – мне упорно приходили в голову два других – Боттичелли и Больтраффио; эти два подставных имени я тотчас же отбросил как неверные, и, когда мне было названо настоящее имя, я не задумываясь признал его. Я попытался установить, благодаря каким влияниям и путем каких ассоциаций воспроизведение этого имени потерпело подобного рода сдвиг (вместо Синьорелли – Боттичелли и Больтраффио), и пришел к следующим результатам.

а) Причину того, почему имя Синьорелли ускользнуло из моей памяти, не следует искать ни в особенностях этого имени самого по себе, ни в психологическом характере той комбинации, в которой оно должно было фигурировать. Само по себе имя это было мне известно не хуже, чем одно из подставных имен (Боттичелли), и несравненно лучше, нежели второе подставное имя – Больтраффио; об этом последнем я не знал почти ничего, разве лишь что этот художник принадлежал к миланской школе. Что же касается комбинации, в которой находилось данное имя, то она носила ничего не значащий характер и не давала никаких нитей для выяснения вопроса: я ехал лошадьми с одним чужим для меня господином из Рагузы (в Дал-

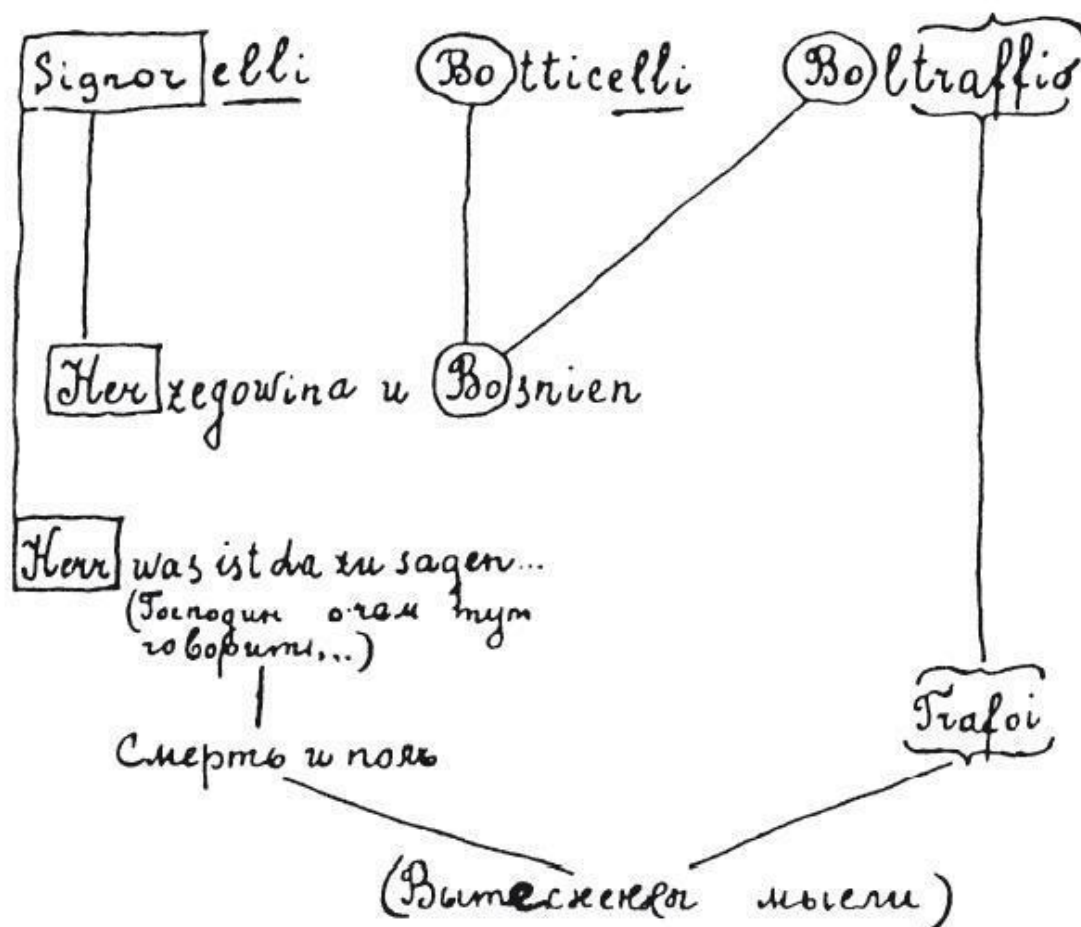
мации) в Герцеговину; мы заговорили о путешествиях по Италии, и я спросил моего спутника, был ли он уже в Орвието и видел ли знаменитые фрески... NN.

б) Объяснить исчезновение из моей памяти этого имени мне удалось лишь после того, как я восстановил тему, непосредственно предшествовавшую данному разговору. И тогда весь феномен предстал передо мной как процесс *вторжения* этой предшествовавшей темы в тему дальнейшего разговора и *нарушения* этой последней. Непосредственно перед тем, как спросить моего спутника, был ли он уже в Орвието, я беседовал с ним о нравах и обычаях турок, живущих в Боснии и Герцеговине. Я рассказал, со слов одного моего коллеги, практиковавшего в их среде, о том, с каким глубоким доверием они относятся к врачу и с какой покорностью преклоняются пред судьбой. Когда сообщал им, что больной безнадежен, они отвечают: «*Господин* (Herr), о чем тут говорить? Я знаю, если бы его можно было спасти, ты бы спас его». – Здесь, в этом разговоре, мы уже встречаем такие слова и имена – Босния, Герцеговина (*Herzegovina*), *Herr* (господин), – которые поддаются включению в ассоциативную цепь, связывающую между собою имена Signorelli (signor – господин), Боттичелли и Больтраффио.

в) Я полагаю, что мысль о нравах боснийских турок оказалась способной нарушить течение следующей мысли благодаря тому, что я отвлек от нее свое внимание прежде, чем додумал ее до конца. Дело в том, что я хотел было рассказать моему собеседнику еще один случай, связанный в моей памяти с первым. Боснийские турки ценят выше всего на свете половое наслаждение и в случаях заболеваний, делающих его невозможным, впадают в отчаяние, резко контрастирующее с их фаталистическим равнодушием к смерти. Один из пациентов моего коллеги сказал ему раз: «Ты знаешь, *господин* (Herr), если лишиться этого, то жизнь теряет всякую цену». Я воздержался от сообщения об этой характерной черте, не желая касаться в разговоре с чужим человеком несколько щекотливой темы. Но я сделал при этом еще нечто большее: я отклонил свое внимание и от дальнейшего развития тех мыслей, которые готовы были у меня возникнуть в связи с темой «смерть и пол». Я находился в то время под впечатлением известия, полученного несколькими неделями раньше, во время моего пребывания в *Trafoi*: один из моих пациентов, на лечение которого я потратил много труда, покончил с собой вследствие неизлечимой половой болезни. Я точно знаю, что во время моей поездки в Герцеговину это печальное известие и все то, что было с ним связано, не всплывало в моем сознании. Но совпадение звуков *Trafoi* – *Boltraffio* заставляет меня предположить, что в этот момент, несмотря на то что я намеренно направил свое внимание в другую сторону, данное воспоминание все же оказало свое действие.

г) После всего сказанного я уже не могу рассматривать исчезновение из моей памяти имени Синьорелли как простую случайность. Я должен признать здесь наличность известного *мотива*. Имелись известные мотивы, побудившие меня прервать рассказ о нравах турок; они же побудили меня отгородить от моего сознания связанные с этим рассказом мысли, ассоциировавшиеся, в свою очередь, с известием, полученным мною в *Trafoi*. Я хотел таким образом нечто позабыть и вытеснить это нечто из памяти. Конечно, позабыть я хотел не имя художника из Орвието, а нечто другое, но этому другому удалось ассоциативно связаться с этим именем; так что мой волевой акт попал мимо цели, и в то время, как намеренно я хотел забыть одну вещь, я забыл – против своей воли – другую. Нежелание вспомнить направлялось против одного; неспособность вспомнить обнаружилась на другом. Конечно, проще было бы, если бы и нежелание, и неспособность сказались на одном и том же объекте. С этой точки зрения подставные имена представляются мне уже не столь произвольными. Они создают известного рода компромисс: напоминают и о том, что я хотел вспомнить, и о том, что я позабыл; они показывают, таким образом, что мое намерение позабыть нечто не увенчалось ни полным успехом, ни полным неуспехом.

д) Весьма очевидна та связь, которая установилась между искомым именем и вытесненной темой («смерть и пол»; к ней же относятся имена: Босния, Герцеговина и Trafoi). Предлагаемая схема пояснит эту связь.

Имя Signorelli разложилось при этом на две части. Последние два слога (elli) воспроизведены в одном из подставных имен без изменений (Botticelli), первые же два подверглись переводу с итальянского языка на немецкий (signor-Herr), вступили в этом виде в целый ряд сочетаний с тем словом, которое фигурировало в вытесненной теме (Herr, Herzegowina), и, благодаря этому, оказались также вытесненными из моей памяти. Замена их произошла так, как будто было сделано передвижение вдоль по словосочетанию «Герцеговина и Босния», причем передвижение это совершилось независимо от смысла этих слов и от звукового разграничения отдельных слогов. Отдельные части фразы механически рассекались подобно тому, как это делается при построении ребуса. Весь этот процесс, в результате которого имя Синьорелли заменилось двумя другими, протекал всецело вне сознания. За вычетом совпадения одних и тех же слогов (или, точнее, сочетаний букв) никакой иной связи, которая объединяла бы обе темы – вытесненную и следующую, – установить на первых порах не удастся.

Быть может, нелишне будет заметить, что приведенное выше объяснение не противоречит обычному у психологов взгляду на акт воспроизведения и забывания, как обусловленный известным соотношением и расположением психических элементов. Мы лишь присоединили к этим обычным, давно признанным моментам для некоторых случаев еще один момент – *мотив*; и, кроме того, выяснили механизм неправильного припоминания. Что же касается того «расположения», о котором говорится обычно, то оно необходимо и в нашем случае, ибо иначе

вытесненный элемент вообще не мог бы вступить в ассоциативную связь с искомым именем и тем самым вовлечь его в круг вытесняемого. Быть может, если бы дело шло о каком-либо другом имени, более приспособленном для воспроизведения, это явление и не имело бы места. Ибо вполне вероятно, что подавленный элемент постоянно стремится каким-либо иным путем пробиться наружу, но удастся это ему лишь там, где имеются соответствующие благоприятные условия. С другой стороны, подавление может произойти и без функционального расстройства, или, как мы могли бы с полным правом сказать, без *симптомов*.

Сводя воедино все те условия, при которых забываются и неправильно воспроизводятся имена, мы получаем: 1) известное расположение, благоприятное для забывания; 2) незадолго перед тем происшедшее подавление и 3) возможность установить внешнюю ассоциативную связь между соответствующим именем и подавленным элементом. Впрочем, этому последнему условию вряд ли приходится приписывать особое значение, ибо требования, предъявляемые к ассоциативной связи, столь невелики, что установить ее в большинстве случаев вполне возможно. Другой вопрос – и вопрос более глубокий – это действительно ли достаточно одной внешней ассоциации для того, чтобы вытесненный элемент мог помешать воспроизведению искомого имени, и не требуется ли иной, более интимной связи между обеими темами. При поверхностном наблюдении это последнее требование кажется излишним и простая смежность во времени, не предполагающая внутренней связи, представляется достаточной. Однако при более внимательном изучении все чаще оказывается, что связанные внешней ассоциацией элементы обладают, кроме того, известной связью и по своему содержанию, и в нашем примере с именем Синьорелли также можно вскрыть подобную связь.

Ценность тех выводов, к которым мы пришли в результате нашего анализа, зависит, конечно, от того, является ли данный пример (Синьорелли) типическим или единичным. Я, со своей стороны, утверждаю, что процесс забывания и неправильного воспроизведения имен совершается сплошь да рядом именно так, как в данном случае. Почти каждый раз, как мне случалось наблюдать это явление на себе самом, я имел возможность объяснить его именно указанным образом: как акт, мотивированный вытеснением. Должен указать и еще одно соображение, подтверждающее типический характер нашего наблюдения. Я думаю, что нет основания делать принципиальное различие между теми случаями забывания, когда оно связано с неправильным воспроизведением имен, и простым забыванием, не сопровождающимся подставными именами. В ряде случаев эти подставные имена всплывают самопроизвольно; в других случаях их можно вызвать напряжением внимания, и тогда они обнаруживают такую же связь с вытесненным элементом и искомым именем, как и при самопроизвольном появлении. Решающее значение в этом процессе «всплывания» имеют, по-видимому, два момента: напряжение внимания, с одной стороны, а с другой – некоторое внутреннее условие, относящееся уже к свойствам самого психического материала: это, быть может, та степень легкости, с какой создается между обоими элементами необходимая внешняя ассоциация. Таким образом, немалое количество случаев простого забывания без подставных имен можно отнести к тому же разряду, для которого типичен пример Синьорелли. Я не решаюсь утверждать, что к этому разряду могут быть отнесены все случаи забывания имен. Но думаю, что буду достаточно осторожен, если, резюмируя свои наблюдения, скажу: *наряду с обыкновенным забыванием собственных имен встречаются и случаи забывания мотивированного, причем мотивом служит вытеснение*.

Забывание иностранных слов

Слова, обычно употребляемые в нашем родном языке, по-видимому, защищены от забывания в пределах нормально функционирующей памяти. Иначе обстоит дело, как известно, со словами иностранными. Предрасположение к забыванию их существует по отношению ко всем частям речи, и первая ступень функционального расстройства сказывается в той неравномерности, с какой мы располагаем запасом иностранных слов в зависимости от нашего общего состояния и от степени усталости. Забывание это происходит в ряде случаев путем того же механизма, который был раскрыт перед нами в примере «Синьорелли». Чтобы доказать это, я приведу анализ всего только одного, но имеющего ценные особенности случая, когда забыто было иностранное слово (не существительное) из латинской цитаты. Позволю себе изложить этот небольшой эпизод подробно и наглядно.

Прошлым летом я возобновил – опять-таки во время вакационного путешествия – знакомство с одним молодым человеком, университетски образованным, который, как я вскоре заметил, читал некоторые мои психологические работы. В разговоре мы коснулись – не помню уже почему – социального положения той народности, к которой мы оба принадлежали, и он, как человек честолюбивый, стал жаловаться на то, что его поколение обречено, как он выразился, на захирение, не может развивать своих талантов и удовлетворять свои потребности. Он закончил свою страстную речь известным стихом из Вергилия, в котором несчастная Дидона завещает грядущим поколениям отмщение Энею: «Exoriare...» и т. д. Вернее, он хотел так закончить; ибо восстановить цитату ему не удалось, и он попытался замаскировать явный пропуск при помощи перестановки слов: *exoriar(e) ex nostris ossibus ultor!* В конце концов он с досадой сказал мне: «Пожалуйста, не стройте такого насмешливого лица, словно бы вы наслаждаетесь моим смущением; лучше помогите мне. В стихе чего-то не хватает. Как он, собственно, звучит в полном виде?»

«Охотно, – ответил я и процитировал подлинный текст: „Exoriare(e) aliquis nostris ex ossibus ultor!“»

«Как глупо забыть такое слово! Впрочем, вы ведь утверждаете, что ничто не забывается без основания. В высшей степени интересно было бы знать, каким образом я умудрился забыть это неопределенное местоимение *aliquis*».

Я охотно принял вызов, надеясь получить новый вклад в свою коллекцию. «Сейчас мы это узнаем, – сказал я ему, – я должен вас только просить сообщать мне *откровенно* и *не критикуя* все, что вам придет в голову, лишь только вы без какого-либо определенного намерения сосредоточите свое внимание на позабытом слове»¹.

«Хорошо. Мне приходит в голову курьезная мысль: расчленить слово следующим образом: *a* и *liquis*».

«Зачем?» – «Не знаю». – «Что вам приходит дальше на мысль?» – «Дальше идет так: *реликвии, ликвидация, жидкость, флюид*. Дознались вы уже до чего-нибудь?»

«Нет, далеко еще нет. Но продолжайте».

«Я думаю, – продолжал он с ироническим смехом, – о *Симоне Триентском*, реликвии которого я видел два года тому назад в одной церкви в Триенте. Я думаю об обвинении в употреблении христианской крови, выдвигаемом как раз теперь против евреев, и о книге *Kleinraul'a*, который во всех этих якобы жертвах видит новые воплощения, так сказать, новые издания Христа».

¹ Это обычный путь, чтобы довести до сознания скрытые от него элементы представлений. Ср. мою «*Traumdeutung*»... (Здесь и далее все не отмеченные особо примечания являются авторскими.)

«Эта мысль не всегда чужда той теме, о которой мы с вами беседовали, когда вы позабыли латинское слово».

«Верно. Я думаю, далее, о статье в итальянском журнале, который я недавно читал. Помните, она была озаглавлена: „Что говорит святой Августин о женщинах?“ Что вы с этим делаете?»

«Я жду».

«Ну теперь идет нечто такое, что уже наверное не имеет никакого отношения к нашей теме».

«Пожалуйста, воздержитесь от критики и...»

«Знаю. Мне вспоминается чудесный старый господин, с которым я встретился в пути на прошлой неделе. Настоящий *оригинал*. Имеет вид большой хищной птицы. Его зовут, если хотите знать, *Бенедикт*».

«Получаем, по крайней мере, сопоставление святых и Отцов Церкви – *святой Симон, святой Августин, святой Бенедикт*. Один из Отцов Церкви назывался, кажется, *Ориген*. Три имени из перечисленных встречаются и в наше время, равно как и имя *Paul* (Павел) из *Kleinpaul*».

«Теперь мне вспоминается святой *Януарий* и его чудо с кровью – но мне кажется, что это идет дальше уже чисто механически!»

«Оставьте, и святой Януарий, и святой Августин имеют оба отношение к календарю. Не напомните ли вы мне, в чем состояло чудо с кровью святого Януария?»

«Вы, наверное, знаете это. В одной церкви в Неаполе хранится в склянке кровь святого Януария, которая в определенный праздник чудесным образом становится вновь *жидкой*. Народ чрезвычайно дорожит этим чудом и приходит в сильное возбуждение, если оно почему-либо медлит случиться, как это и было раз во время французской оккупации. Тогда командующий генерал – или, может быть, это был Гарибальди? – отвел в сторону священника и, весьма выразительным жестом указывая на выстроенных вдоль улицы солдат, сказал, что он *надеется*, что чудо вскоре совершится...»

«Ну, дальше? Почему вы запнулись?»

«Теперь мне действительно пришло нечто в голову... Но это слишком интимно для того, чтобы я мог рассказать... К тому же я не вижу никакой связи и никакой надобности рассказывать об этом».

«О связи уже я позабочусь. Я, конечно, не могу заставить вас рассказывать мне неприятные для вас вещи; но тогда уже и вы не требуйте от меня, чтобы я вам объяснил, каким образом вы забыли слово *aliquis*».

«В самом деле? Вы так думаете? Ну так я внезапно подумал об одной даме, от которой я могу получить известие, очень неприятное для нас обоих».

«О том, что у нее не наступило месячное нездоровье?»

«Как вы могли это отгадать?»

«Теперь это уже нетрудно, вы меня достаточно подготовили. Подумайте только о календарных святых, о переходе крови в жидкое состояние в определенный день, о возмущении, которое вспыхивает, если событие не происходит, и недвусмысленной угрозе, что чудо должно совершиться, не то...»

Вы сделали из чуда святого Януария прекрасный намек на нездоровье вашей знакомой».

«Сам того не зная. И вы действительно думаете, что из-за этого тревожного ожидания я был не в состоянии воспроизвести словечко *aliquis*?»

«Мне представляется это совершенно несомненным. Вспомните только ваше расчленение *a – liquis* и дальнейшие ассоциации: реликвия, ликвидация, жидкость... Я мог бы еще включить в комбинацию принесенного в жертву *ребенком* святого Симона, о котором вы подумали в связи со словом *реликвия*».

«Нет уж, не надо. Я надеюсь, что вы не примете всерьез этих мыслей, если даже они и появились у меня действительно. Зато я должен вам признаться, что дама, о которой идет речь, – итальянка и что в ее обществе я посетил Неаполь. Но разве все это не может быть чистой случайностью?»

«Можно ли это объяснить случайностью – я предоставляю судить вам самим. Должен только вам сказать, что всякий аналогичный случай, подвергнутый анализу, приведет вас к столь же замечательным „случайностям“».

Целый ряд причин заставляет меня высоко ценить этот маленький анализ, за который я должен быть благодарен моему тогдашнему спутнику. Во-первых, я имел возможность в данном случае пользоваться таким источником, к которому обычно не имею доступа. По большей части мне приходится добывать примеры нарушения психических функций в обыденной жизни путем собственного самонаблюдения. Несравненно более богатый материал, доставляемый мне многими нервными пациентами, я стараюсь оставлять в стороне во избежание возражений, что данные феномены происходят в результате и служат проявлениями невроза. Вот почему для моих целей особенно ценны те случаи, когда нервный чужой человек соглашается быть объектом исследования. Приведенный анализ имеет для меня еще и другое значение: он освещает случай забывания, не сопровождающегося появлением подставных слов, и подтверждает установленный мною выше тезис, что факт появления или отсутствия подставных слов не может обуславливать существенного различия².

Но главная ценность примера *aliquis* заключается в другой особенности, отличающей его от случая «Синьорелли». В последнем примере воспроизведение имени было нарушено воздействием некоего хода мыслей, начавшегося и оборванного непосредственно перед тем, но по своему содержанию не стоявшего ни в какой заметной связи с новой темой, заключавшей в себе имя Синьорелли. Между вытесненным элементом и темой забытого имени существовала лишь смежность по времени; и ее было достаточно для того, чтобы оба этих элемента связались один с другим путем внешней ассоциации³. Напротив, в примере *aliquis* нет и следа подобной независимой, вытесненной темы, которая занимала бы непосредственно перед этим сознательное мышление и затем продолжала бы оказывать свое действие в качестве расстраивающего фактора. Расстройство репродукции исходит здесь изнутри, из самой же темы в силу того, что против выраженного в цитате пожелания бессознательно заявляется протест. Процесс этот следует представить себе в следующем виде. Говоривший выразил сожаление по поводу того, что нынешнее поколение его народа ограничено в правах; новое поколение – предсказывает

² Более тщательное наблюдение несколько суживает различие между случаями Signorelli и *aliquis*, поскольку дело касается подставных воспоминаний. По-видимому, и во втором примере забывание также сопровождалось некоторым процессом замещения. Когда я впоследствии спросил своего собеседника, не пришло ли ему на мысль, в то время как он силился вспомнить недостающее слово, что-либо другое в замену его, он сообщил мне, что сперва испытывал поползновение вставить в стих слово *ab: portris ab ossibus* (быть может, это оставшаяся свободной часть *a-liquis*), а затем, что ему особенно отчетливо и настойчиво навязывалось слово *exoriare*. Оставаясь скептиком, он добавил: «Это объясняется, очевидно, тем, что то было первое слово стиха». – Когда я попросил его обратить внимание на слова, ассоциирующиеся у него с *exoriare*, он назвал: экзорцизм. Легко себе представить, что усиление слова *exoriare* при репродукции и было, в сущности, равносильно образованию подставного слова. Оно могло исходить от имени *святых* через ассоциацию «экзорцизм». Впрочем, это тонкости, которым нет надобности придавать значения. – Но весьма возможно, что «всплытие» того или иного подставного воспоминания служит постоянным, а может быть, только характерным и предательским вытеснением. Процесс образования подставных имен мог бы иметься налицо даже и в тех случаях, когда «всплытие» неверных имен и не совершается, и сказывался бы тогда в усилении какого-либо элемента, смежного с позабытым. Так, в примере Signorelli у меня все то время, что я не мог вспомнить его фамилии, было *необычайно* яркое зрительное воспоминание о цикле фресок и о помещенном в углу одной из картин портрете художника, – во всяком случае, оно было у меня гораздо интенсивнее, чем у меня бывают обычно зрительные воспоминания. В другом случае – также сообщенном в моей статье 1898 года – я безнадежно позабыл название одной улицы в чужом городе, на которую мне предстояло пойти с неприятным визитом; но номер дома запомнился мне с необычной яркостью, в то время как обыкновенно я запоминаю числа лишь с величайшим трудом.

³ Я не решился бы с полной уверенностью утверждать об отсутствии всякой внутренней связи между обоими кругами мыслей в примере «Синьорелли». При тщательном рассмотрении вытесненных мыслей на тему «смерть и половая жизнь» все же наталкиваешься на идею, близко соприкасающуюся с темой фресок в Орвието.

он вслед за Дидоной – отомстит притеснителям. Он высказывает таким образом пожелание о потомстве. В этот момент сюда врезается противоречащая этому мысль. «Действительно ли ты так горячо желаешь себе потомства? Это неправда. В каком затруднительном положении ты бы оказался, если бы получил теперь известие, что ты должен ожидать потомства от известной тебе женщины? Нет, не надо потомства, – как ни нужно оно нам для отомщения». Этот протест производит свое действие тем же путем, что и в примере «Синьорелли»: образуется внешняя ассоциация между одним каким-либо из числа заключающихся в нем представлений и каким-нибудь элементом опротестованного пожелания; притом на сей раз ассоциация устанавливается обходным путем, имеющим вид в высшей степени искусственный. Второй существенный пункт схождения с примером «Синьорелли» заключается в том, что протест берет свое начало из вытесненных элементов и исходит от мыслей, которые могли бы отвлечь внимание. – На этом мы покончим с различиями и внутренним сходством обоих примеров забывания имен. Мы познакомились еще с одним механизмом забывания – это: нарушение хода мысли силой внутреннего протеста, исходящего от чего-то вытесненного. С этим процессом, который представляется нам более удобопонятным, мы еще неоднократно встретимся в дальнейшем изложении.

Забывание имен и словосочетаний

В связи с тем, что мы сообщили выше о процессе забывания отдельных частей той или иной комбинации иностранных слов, может возникнуть вопрос, нуждается ли забывание словосочетаний на родном языке в существенно ином объяснении. Правда, мы обычно не удивляемся, когда заученная наизусть формула или стихотворение спустя некоторое время воспроизводится неточно, с изменениями и пропусками. Но так как забывание это затрагивает неравномерно заученные в общей связи вещи и опять-таки как бы выламывает из них отдельные куски, то не мешает подвергнуть анализу отдельные случаи подобного рода ошибочного воспроизведения.

Один молодой коллега в разговоре со мной высказал предположение, что забывание стихотворений, написанных на родном языке, может быть, мотивируется так же, как и забывание отдельных элементов иностранного словосочетания, и предложил себя в качестве объекта исследования. Я спросил его, на каком стихотворении он хотел бы произвести опыт, и он выбрал «Коринфскую невесту», стихотворение, которое он очень любит и из которого помнит наизусть по меньшей мере целые строфы. С самого же начала у него обнаружилась странная неуверенность. «Как оно начинается: Von Korinthos nach Athen gezogen, – спросил он, – или Nach Korinthos von Athen gezogen?»⁴ Я тоже на минуту заколебался было, но затем заметил со смехом, что уже самое заглавие стихотворения «Коринфская невеста» не оставляет сомнения в том, куда лежал путь юноши. Воспроизведение первой строфы прошло затем гладко, или по крайней мере без заметного искажения. После первой строки второй строфы мой коллега на минуту запнулся; вслед за тем он продолжал так:

Aber wird er auch willkommen scheinen,
Jetzt wo jeder Tag was Neues bringt?
Denn er ist noch Heide mit den Seinen
Und sie sind Christen und – getauft⁵.

Мне уже раньше что-то резануло ухо; по окончании последней строки мы оба были согласны, что здесь произошло искажение. И так как нам не удавалось его исправить, то мы отправились в библиотеку, взяли стихотворение Гёте и, к нашему удивлению, нашли, что вторая строка этой строфы имеет совершенно иное содержание, которое было как бы выкинуто из памяти моего коллеги и заменено другим, по-видимому совершенно посторонним. У Гёте стих гласит:

Aber wird er auch willkommen scheinen,
Wenn er teuer nicht die Gunst erkauf⁶.

Слово verkauft рифмовало с getauft, и мне показалось странным, что сочетание слов «язычник» и «христиане» и «крещен» так мало помогло восстановлению текста.

– Можете вы себе объяснить, – спросил я коллегу, – каким образом в этом столь хорошо знакомом вам, по-вашему, стихотворении вы так решительно вытравили эту строку? И нет ли у

⁴ «Придя из Коринфа в Афины» или «из Афин в Коринф».

⁵ Но будет ли он желанным гостем, Теперь, когда каждый день приносит что-либо новое? Ибо он язычник со своими родными, А они – христиане и крещены.

⁶ Но будет ли он желанным гостем, Если не купит милости дорогой ценой?

вас каких-либо догадок насчет той комбинации, из которой возникла замесившая эту строку фраза?

Оказалось, что он может дать мне объяснения, хотя и сделал он это с явной неохотой: «Строка: Jetzt wo jeder Tag was Neues bringt представляется мне знакомой; по всей вероятности, я употребил ее недавно, говоря о моей практике, которая, как вам известно, все улучшается, чем я очень доволен. Но каким образом попала эта фраза сюда? Мне кажется, я могу найти связь. Строка: Wenn er teuer nicht die Gunst erkaufte мне была явно неприятна. Она находится в связи со сватовством, в котором я в первый раз потерпел неудачу и которое теперь, ввиду улучшившегося материального положения, я хочу возобновить. Большого я вам не могу сказать, но ясно, что, если я теперь получу утвердительный ответ, мне не может быть приятна мысль о том, что теперь, как и тогда, решающую роль сыграл известный расчет».

Это было для меня достаточно ясно даже и без ближайшего знакомства с обстоятельствами дела. Но я поставил дальнейший вопрос: «Каким образом вообще случилось, что вы связали ваши частные дела с текстом „Коринфской невесты“? Быть может, в вашем случае тоже имеются различия вероисповедального характера, как и в этом стихотворении?»

Keimt ein Glaube neu,
Wird oft Lieb und Treu
Wie ein böses Unkraut ausgerauft⁷.

Я не угадал; но интересно было видеть, как удачно поставленный вопрос сразу раскрыл глаза моему собеседнику и дал ему возможность сообщить мне в ответ такую вещь, которая до того времени, наверное, не приходила ему в голову. Он бросил на меня взгляд, из которого видно было, что его что-то мучит и что он недоволен, и пробормотал продолжение стихотворения:

Sieh' sie an genau!⁸
Morgen ist sie grau.

И добавил лаконически: она несколько старше меня.

Чтобы не мучить его дольше, я прекратил расспросы. Объяснение казалось мне достаточным. Но удивительно, что попытка вскрыть основу безобидной ошибки памяти должна была затронуть столь отдаленные, интимные и связанные с мучительным эффектом обстоятельства.

Другой пример забвения части известного стихотворения я заимствую у К. Г. Юнга⁹ и излагаю его словами автора:

«Один господин хочет декламировать известное стихотворение „На севере диком“. На строке „и дремлет качаясь...“ он безнадежно запинается; слова „и снегом сыпучим покрыта, как ризой, она“ он совершенно позабыл. Это забвение столь известного стиха показалось мне странным, и я попросил его воспроизвести, что приходит ему в голову в связи с „снегом сыпучим покрыта, как ризой“ („mit weisser Decke“). Получился следующий ряд: „При словах о белой ризе я думаю о саване, которым покрывают покойников (пауза) – теперь мне вспоминается мой близкий друг – его брат недавно скоростижно умер – кажется, от удара – он был тоже полного телосложения – мой друг тоже полного телосложения, и я уже думал, что с ним может

⁷ Где за веру спор, Там, как ветром сор, И любовь и дружба сметены (перев. А. К. Толстого).

⁸ Впрочем, мой коллега несколько видоизменил это прекрасное место стихотворения и по содержанию, и по смыслу, в котором он употребил его. У Гёте девушка-привидение говорит своему жениху: Meine Locke hab' ich Dir gegeben. Deine Locke nehm' ich mit mir fort. Sieh' sie an genau! Morgen bist du grau, Und nur braun erscheinst Du wieder dort. (Мою цепь тебе дала я, Прядь твою беру с собой, Взгляни на нее. Завтра будешь ты сед, Но лишь темноволосым явившись ты вновь туда.)

⁹ Jung C. G. Über die Psychologie der Dementia praecox. 1907. S. 64.

то же случиться, – он, вероятно, делает слишком мало движений – когда я услышал об этой смерти, я вдруг испугался, что и со мной может случиться то же, потому что у нас в семействе и так существует склонность к ожирению, и мой дедушка тоже умер от удара; я считаю себя тоже слишком полным и потому начал на этих днях курс лечения“.

Этот господин, таким образом, сразу же отождествил себя бессознательно с сосной, окутанной белым саваном», – замечает Юнг.

С тех пор я проделал множество анализов подобных же случаев забывания или неправильной репродукции, и аналогичные результаты исследований склоняют меня к допущению, что обнаруженный в примерах *aliquis* и «Коринфская невеста» механизм распространяет свое действие почти на все случаи забывания. Обыкновенно сообщение таких анализов не особенно удобно, так как они затрагивают – как мы видели выше – весьма интимные и тягостные для данного субъекта вещи, и я ограничусь поэтому приведенными выше примерами. Общим для всех этих случаев, без различия материала, остается то, что позабытое или искаженное слово или словосочетание соединяется путем той или иной ассоциации с известным бессознательным представлением, от которого и исходит действие, выражающееся в форме забвения.

Я возвращаюсь опять к забыванию имен, которого мы еще не исчерпали ни со стороны его конкретных форм, ни со стороны мотивировки. Так как я имел в свое время случай наблюдать в изобилии на себе самом как раз этот вид дефектной работы памяти, то примеров у меня имеется достаточно. Легкие мигрени, которыми я поныне страдаю, вызывают у меня, еще за несколько часов до своего появления – и этим они предупреждают меня о себе, – забывание имен; а в разгар мигрени я, не теряя способности работать, сплошь да рядом забываю все собственные имена. Правда, как раз такого рода случаи могут дать повод к принципиальным возражениям против всех наших попыток в области анализа. Ибо не следует ли из таких наблюдений тот вывод, что причина забывчивости и специально забывания собственных имен лежит в нарушении циркуляции и общем функциональном расстройстве больших полушарий мозга и что поэтому всякие попытки психологического объяснения этих феноменов излишни? По моему мнению – ни в коем случае. Ибо это значило бы смешивать единообразный для всех случаев механизм процесса с благоприятствующими ему условиями – переменными и не необходимыми. Не вдаваясь в обстоятельный разбор, ограничусь для устранения этого довода одной лишь аналогией.

Допустим, что я был настолько неосторожен, чтобы совершить ночью прогулку по отдаленным пустынным улицам большого города; на меня напали и отняли часы и кошелек. В ближайшем полицейском участке я сообщаю о случившемся в следующих выражениях: я был на такой-то улице, и там *одиночество* и *темнота* отняли у меня часы и кошелек. Хотя этими словами я и не выразил ничего такого, что не соответствовало бы истине, все же весьма вероятно, что меня приняли бы за человека, находящегося не в своем уме. Чтобы правильно изложить обстоятельства дела, я должен был бы сказать, что, *пользуясь* уединенностью места и под *прикрытием* темноты, *неизвестные люди* ограбили меня. Я и полагаю, что при забывании имен положение дела то же самое: благоприятствуемая усталостью, расстройством циркуляций, интоксикацией, неизвестная психическая сила понижает у меня способность располагать имеющимися в моих воспоминаниях собственными именами, – та же самая сила, которая в других случаях может совершить это же обессиливание памяти при полном здоровье и свежести.

Анализируя наблюдаемые на себе самом случаи забывания имен, я почти постоянно нахожу, что недостающее имя имеет то или иное отношение к какой-либо теме, близко касающейся меня лично и способной вызвать во мне сильные, нередко мучительные аффекты. В согласии с весьма целесообразной практикой цюрихской школы (Bleuler, Jung, Riklin), я могу это выразить в такой форме: ускользнувшее из моей памяти имя затронуло во мне «личный комплекс». Отношение этого имени к моей личности бывает неожиданным, часто устанавли-

вается путем поверхностной ассоциации (двусмысленное слово, звучание); его можно вообще обозначить как стороннее отношение. Несколько простых примеров лучше всего выяснят его природу:

а) Пациент просит меня рекомендовать ему какой-нибудь курорт на Ривьере. Я знаю одно такое место в ближайшем соседстве с Генуей, помню фамилию немецкого врача, практикующего там, но самой местности назвать не могу, хотя, казалось бы, знаю ее прекрасно. Приходится попросить пациента обождать; спешу к моим домашним и спрашиваю наших дам: «Как называется эта местность близ Генуи, где лечебница доктора N., в которой так долго лечилась такая-то дама?» – «Разумеется, как раз *ты* должен был забыть это название. Нерви». И в самом деле, с *нервами* мне приходится иметь достаточно дела.

б) Другой пациент говорит о близлежащей дачной местности и утверждает, что кроме двух известных ресторанов там есть еще и третий, с которым у него связано известное воспоминание; название он мне сейчас скажет. Я отрицаю существование третьего ресторана и ссылаюсь на то, что семь летних сезонов подряд жил в этой местности и, стало быть, знаю ее лучше, чем мой собеседник. Раздраженный противоречием, он, однако, уже вспомнил название; ресторан называется Nochwagner. Мне приходится уступить и признаться к тому же, что все эти семь лет я жил в непосредственном соседстве с этим самым рестораном, существование которого я отрицал. Почему я забыл в данном случае и название, и самый факт? Я думаю, потому, что это название слишком отчетливо напоминает мне фамилию одного венского коллеги и затрагивает во мне опять-таки «профессиональный комплекс».

в) Однажды на вокзале в Рейхенгалле я собираюсь взять билет и не могу вспомнить, как называется прекрасно известная мне ближайшая большая станция, через которую я так часто проезжал. Приходится самым серьезным образом искать ее в расписании поездов. Станция называется Rosenheim. Тотчас же я соображаю, в силу какой ассоциации название это у меня ускользнуло. Часом раньше я посетил свою сестру, жившую близ Рейхенгалля; имя сестры Роза, стало быть, это тоже был Rosenheim («жилище Розы»). Название было у меня похищено «семейным комплексом».

г) Прямо-таки грабительское действие семейного комплекса я могу проследить еще на целом ряде примеров.

Однажды пришел ко мне молодой человек, младший брат одной моей пациентки; я видел его бесчисленное множество раз и привык, говоря о нем, называть его по имени. Когда я затем захотел рассказать о его посещении, оказалось, что я позабыл его имя – вполне обыкновенное, это я знал, – и не мог ни за что восстановить его в своей памяти. Тогда я пошел на улицу читать вывески, и, как только его имя встретилось мне, я с первого же раза узнал его. Анализ показал мне, что я провел параллель между этим посетителем и моим собственным братом – параллель, которая вела к вытесненному вопросу: сделал ли бы мой брат в подобном случае то же или же поступил бы как раз наоборот? Внешняя связь между мыслями о чужой и моей семье установилась благодаря той случайности, что и здесь и там имя матери было одно и то же – Амалия. Я понял затем и подставные имена, которые навязались мне, не выясняя дела: Даниил и Франц. Эти имена – так же, как и имя Амалия – встречаются в шиллеровских «Разбойниках», с которыми связывается шутка венского фланера Daniel Spitzer'a.

д) В другой раз я не могу припомнить имени моего пациента, с которым я знаком еще с юных лет. Анализ пришлось вести длинным, обходным путем, прежде чем удалось получить искомое имя. Пациент сказал раз, что боится потерять зрение; это вызвало во мне воспоминание об одном молодом человеке, который ослеп вследствие ранения выстрелом; с этим соединилось, в свою очередь, представление о другом молодом человеке, который стрелял в себя, – фамилия его та же, что и первого пациента, хотя они не были в родстве. Но нашел я искомое имя лишь тогда, когда установил, что мои опасения были перенесены с этих двух юношей на человека, принадлежащего к моему семейству.

Непрерывный ток «самоотношения» идет, таким образом, через мое мышление – ток, о котором я обычно ничего не знаю, но который дает о себе знать подобного рода забыванием имен. Я словно принужден сравнивать все, что слышу о других людях, с самим собой; словно при всяком известии о других приходят в действие мои личные комплексы. Это ни в коем случае не может быть моей индивидуальной особенностью; в этом заключается, скорее, общее указание на то, каким образом мы вообще понимаем «других». Я имею основание полагать, что у других людей происходит совершенно то же, что и у меня. Лучший пример в этой области сообщил мне некий господин Ледерер из своих личных переживаний. Во время своего свадебного путешествия он встретился в Венеции с одним малознакомым господином и хотел его представить своей жене. Фамилию его он позабыл, и на первый раз пришлось ограничиться неразборчивым бормотанием. Встретившись с этим господином вторично (в Венеции это неизбежно), он отвел его в сторону и рассказал, что забыл его фамилию, и попросил вывести его из неловкого положения и назвать себя. Ответ собеседника свидетельствовал о прекрасном знании людей: «Охотно верю, что вы не запомнили моей фамилии. Я зовусь так же, как вы: Ледерер!» – Нельзя отделаться от довольно неприятного ощущения, когда встречаешь чужого человека, носящего твою фамилию. Я недавно почувствовал это с достаточной отчетливостью, когда на прием ко мне явился некий S. Freud. Впрочем, один из моих критиков уверяет, что он в подобных случаях испытывает как раз обратное.

е) Действие «самоотношения» обнаруживается также в следующем примере, сообщенном Юнгом¹⁰:

«У. безнадежно влюбился в одну даму, вскоре затем вышедшую замуж за Х. Несмотря на то что У. издавна знает Х. и даже находится с ним в деловых сношениях, он все же постоянно забывает его фамилию, так что не раз случалось, что, когда надо было написать Х. письмо, ему приходилось справляться о его фамилии у других».

Впрочем, в этом случае забвение мотивируется прозрачнее, нежели в предыдущих примерах «самоотношения». Забывание представляется здесь прямым результатом нерасположения г-на У. к своему счастливому сопернику; он не хочет о нем знать: «думать о нем не хочу».

ж) Иначе – и тоньше – мотивируется забвение имени в другом примере, разъясненном самим же действующим лицом.

«На экзамене по философии (которую я сдавал в качестве одного из побочных предметов) экзаменатор задал мне вопрос об учении Эпикура и затем спросил, не знаю ли я, кто был возобновителем его учения в позднейшее время. Я назвал Пьера Гассенди – имя, которое я слышал как раз двумя днями раньше в кафе, где о нем говорили как об ученике Эпикура. На вопрос удивленного экзаменатора, откуда я это знаю, я смело ответил, что давно интересуюсь Гассенди. Результатом этого была высшая отметка в дипломе, но вместе с тем и упорная склонность забывать имя Гассенди. Думаю, что это моя нечистая совесть виной тому, что, несмотря на все усилия, я теперь ни за что не могу удержать это имя в памяти. Я и тогда не должен был его знать».

Чтобы получить правильное представление о той интенсивности, с какой данное лицо отклоняет от себя воспоминание об этом экзаменационном эпизоде, надо знать, как высоко оно ценит докторский диплом и сколь многое он должен ему заменить собой.

Я мог бы еще умножать число примеров забывания имен и пойти значительно дальше в их разборе, если бы мне не пришлось для этого уже здесь изложить едва ли не все те общие соображения, которые относятся к дальнейшим темам; а этого я хотел бы избежать. Позволю себе все же в нескольких положениях подвести итоги выводам, вытекающим из сообщенных выше анализов.

¹⁰ Указ. соч.

Механизм забывания имен (точнее, ускользания, временного забвения) состоит в расстройстве предположенного воспроизведения имени посторонним и в данный момент несознаваемым рядом мыслей.

Между именем, терпящим таким образом помеху, и комплексом, создающим эту помеху, существует либо с самого же начала известная связь, либо эта связь устанавливается часто путем искусственных на вид комбинаций при помощи поверхностных (внешних) ассоциаций.

Среди расстраивающих комплексов наибольшую силу обнаруживают комплексы «самоотношения» (личные, семейные, профессиональные).

Имя, которое, имея несколько значений, принадлежит в силу этого к нескольким кругам мыслей (комплексам), нередко, будучи в связи одного ряда мыслей, подвергается расстройству в силу принадлежности к другому, более сильному комплексу.

Среди мотивов подобного расстройства ясно видно намерение избежать то неприятное, что вызывается данным воспоминанием.

В общем, можно различить два основных вида забывания имен: когда данное имя само затрагивает что-либо неприятное, или же оно связывается с другим, могущим оказать подобное действие; так что расстройство репродукции какого-либо имени может обуславливаться либо самим же этим именем, либо его ассоциациями – близкими и отдаленными.

Из этих общих положений мы можем понять, что в ряде случаев дефектного функционирования временное забывание имен встречается чаще всего.

Мы отметим, однако, далеко не все особенности этого феномена. Хочу указать еще, что забывание имен в высокой степени заразительно. В разговоре между двумя людьми иной раз достаточно одному сказать, что он забыл то или иное имя, чтобы его позабыл и второй собеседник. Однако там, где имя позабыто под такого рода индуцирующим влиянием, оно легко восстанавливается.

Наблюдаются также и случаи, когда из памяти ускользает целая цепь имен. Чтобы найти забытое имя, хватаешься за другое, находящееся в тесной связи с первым, и нередко это второе имя, к которому обращаешься как к опорной точке, ускользает тогда в свою очередь. Забвение перескакивает таким образом с одного имени на другое, как бы для того, чтобы доказать наличность труднопреодолимого препятствия.

О воспоминаниях детства и воспоминаниях, служащих прикрытием

В другой статье (опубликованной в «*Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie*» за 1899 год) я имел возможность проследить тенденциозность наших воспоминаний в совершенно неожиданной сфере. Я исходил из того поразительного факта, что в самых ранних воспоминаниях детства обыкновенно сохраняются безразличные и второстепенные вещи, в то время как важные, богатые аффектами впечатления того времени не оставляют (не всегда, конечно, но очень часто!) в памяти взрослых никакого следа. Так как известно, что память производит известный выбор среди тех впечатлений, которыми она располагает, то следовало бы предположить, что этот выбор следует в детском возрасте совершенно иным принципам, нежели в пору интеллектуальной зрелости.

Однако тщательное исследование показывает, что такое предположение является излишним. Безразличные воспоминания детства обязаны своим существованием известному сдвиганию, они замещают в репродукции другие, действительно верные впечатления, воспоминания, которые можно развить из них путем психического анализа, но которые не могут быть воспроизведены непосредственно из-за сопротивления, которое они встречают. Так как они обязаны своим сохранением не своему собственному содержанию, а ассоциативной связи этого содержания с другими вытесненными, – то их можно с полным основанием назвать «прикрывающими воспоминаниями».

В указанной статье я только наметил, но отнюдь не исчерпал всего разнообразия отношений и значений этих «воспоминаний-прикрытий». В одном подробно проанализированном там примере я показал и подчеркнул обыкновенный характер отношений во *времени* между прикрывающим воспоминанием и прикрытым содержанием. Дело в том, что содержание прикрывающего воспоминания относилось там к самому раннему детству, в то время как те интеллектуальные переживания, которые данное воспоминание заступало в памяти и которые остались почти всецело неосознанными, имело место в более позднее время. Я назвал этот вид сдвигания *возвратным, идущим назад*. Быть может, еще чаще наблюдается обратное отношение, когда в памяти закрепляется в качестве прикрытия какое-либо безразличное впечатление недавнего времени, причем этим отличием оно обязано лишь своей связи с каким-либо прежним переживанием, не могущим из-за противодействия быть воспроизведенным непосредственно. Такие воспоминания-прикрытия я назвал бы *предваряющими, забегающими вперед*. То существенное, что тревожит память, лежит здесь по времени *позади* прикрывающего воспоминания. Наконец, возможен – и встречается на деле – и третий случай, когда прикрывающее воспоминание связано с прикрытым им впечатлением не только по своему содержанию, но и в силу смежности во времени, – это будут воспоминания *одновременные*, или *примыкающие*.

Как велика та часть нашего запаса воспоминаний, которая относится к категории воспоминаний прикрывающих, и какую роль они играют во всякого рода невротических интеллектуальных процессах – это проблемы, в рассмотрение которых я не вдавался там, не буду вдаваться и здесь. Мне важно только подчеркнуть, что забывание собственных имен с ошибочными припоминаниями и образование воспоминаний-прикрытий – процессы однородные.

На первый взгляд различия между этими двумя феноменами несравненно больше бросаются в глаза, нежели сходство. Там дело идет о собственных именах, здесь – о цельных впечатлениях, о чем-то пережитом в действительности ли или мысленно; в первом случае – память явно отказывается служить, здесь же – совершает кажущуюся странной работу; там – минутное расстройство (ибо забытое нами только что имя могло воспроизводиться нами до того сотни раз правильно и завтра будет воспроизведено вновь), здесь – длительное, непрерывное обла-

дание, ибо безразличные воспоминания детства, по-видимому, способны сопутствовать нам на протяжении долгого периода жизни. Загадки, стоящие перед нами в обоих этих случаях, по-видимому, совершенно различны. Там нашу научную любознательность возбуждает забвение, здесь – сохранение в памяти. Более глубокое исследование показывает, однако, что, несмотря на различие психического материала и разницу в длительности явления, точки схождения все же преобладают. И здесь и там дело идет о дефекте в ходе припоминания: воспроизводится не то, что должно было быть воспроизведено, а нечто иное, в замену его. В случае забывания имен тоже имеется налицо известное действие памяти в форме подставных имен. Феномен прикрывающих воспоминаний, в свою очередь, тоже основывается на забывании других, существенных впечатлений. В обоих случаях известное интеллектуальное ощущение дает нам знать о вмешательстве некоего препятствия; но только это происходит в иной форме. При забывании имен мы *знаем*, что подставные имена *неверны*; при прикрывающих воспоминаниях мы *удивляемся* тому, что они еще у нас вообще сохранились. И если затем психологический анализ показывает, что в обоих случаях замещающие образования сложились одинаковым образом – путем сдвигания вдоль звеньев какой-либо поверхностной ассоциации, то именно различия в материале, в длительности и в центрировании обоих феноменов заставляют нас в еще большей степени ожидать, что мы нашли нечто существенно важное и имеющее общее значение. Это общее положение гласило бы, что приостановка и дефектный ход репродуцирующей функции указывают нам гораздо чаще, нежели мы предполагаем, на вмешательство пристрастного фактора, на *тенденцию*, благоприятствующую одному воспоминанию и стремящуюся поставить преграду другому.

Вопрос о воспоминаниях детства представляется мне настолько важным и интересным, что я хотел бы посвятить ему несколько замечаний, которые поведут нас за пределы сказанного выше.

Как далеко в глубь детства простираются наши воспоминания? Мне известно несколько исследований по этому вопросу, в том числе работы V. и С. Henri¹¹ и Potwin'a¹²; из них видно существование значительных индивидуальных различий; некоторые из подвергавшихся наблюдениям относят свои первые воспоминания к 6-му месяцу жизни, в то время как другие ничего не помнят из своей жизни до конца 6-го и даже 8-го года. С чем же связаны эти различия в воспоминаниях детства и какое значение они имеют? Очевидно, что для решения этого вопроса мало добыть материал путем коллекционирования справок; необходима обработка его, в которой должно участвовать то лицо, от коего данные сообщения исходят.

На мой взгляд, мы слишком равнодушно относимся к фактам младенческой амнезии – утрате воспоминаний о первых годах нашей жизни – и, благодаря этому, проходим мимо своеобразной загадки. Мы забываем о том, какого высокого уровня интеллектуального развития достигает ребенок уже на четвертом году жизни, на какие сложные эмоции он способен; мы должны были бы поразиться, как мало сохраняется обычно из этих душевных событий в памяти в позднейшие годы; тем более что мы имеем все основания предполагать, что эти забытые переживания детства отнюдь не проскользнули бесследно в развитии данного лица; напротив, они оказали влияние, оставшееся решающим на все времена. И вот, несмотря на это несравненное влияние, они забываются! Это свидетельствует о совершенно своеобразных условиях воспоминания (в смысле сознательной репродукции), до сих пор ускользавших от нашего познания. Весьма возможно, что именно забывание детских переживаний и даст нам ключ к пониманию тех амнезий, которые, как показывают новейшие данные, лежат в основе образования всех невротических симптомов.

¹¹ Enquete sur les premiers souvenirs de l'enfance. L'année psychologique III, 1897.

¹² Study of early memories. Psycholog. Review. 1901.

Среди сохранившихся воспоминаний детства некоторые представляются нам вполне понятными, другие странными или непонятными. Нетрудно исправить некоторые ошибки по отношению к этим обоим видам. Стоит подвергнуть уцелевшие воспоминания какого-либо лица аналитическому испытанию – и нетрудно установить, что поручиться за их правильность невозможно. Некоторые воспоминания несомненно искажены, неполны либо передвинуты во времени или в пространстве. Сообщения опрашиваемых лиц о том, например, что их первые воспоминания относятся, скажем, ко второму году жизни, явно недостоверны. Скоро удастся найти те мотивы, которые объясняют нам искажение и сдвигание пережитого и которые вместе с тем доказывают, что причиной этих ошибок является не простая погрешность памяти. Могущие силы позднейшей жизни оказали свое воздействие на способность припоминать переживания детства, вероятно, это те же силы, благодаря которым мы вообще так чужды пониманию этих детских лет.

Процесс воспоминания у взрослых оперирует, как известно, различного рода психическим материалом. Одни вспоминают в форме зрительных образов, их воспоминания носят зрительный характер; другие способны воспроизвести в памяти разве лишь самые скудные очертания пережитого; их называют – по терминологии *Шарко* – *auditifs* и *moteurs* в противоположность *visuels*. Во сне эти различия исчезают; сны сняты нам всем по преимуществу в форме зрительных образов. Но то же самое происходит и по отношению к воспоминаниям детства; они носят пластический зрительный характер даже у тех людей, чьи позднейшие воспоминания лишены зрительного элемента. Зрительное воспоминание сохраняет, таким образом, тип воспоминания младенческого. У меня лично единственные зрительные воспоминания – это воспоминания самого раннего детства: прямо-таки пластически выпуклые сцены, сравнимые лишь с театральными представлениями. В этих сценах из детских лет, верны ли они или искажены, обычно и сам фигурируешь со своим детским обликом и одеждой. Это обстоятельство представляется весьма странным; взрослые люди со зрительной памятью не видят самих себя в воспоминаниях о позднейших событиях¹³. Предположение, что ребенок, переживая что-либо, сосредоточивает внимание на себе и не направляет его исключительно на внешние впечатления, шло бы вразрез со всем тем, что мы знаем на этот счет.

Таким образом, самые различные соображения заставляют нас предполагать, что так называемые ранние детские воспоминания представляют собой не настоящий след давнишних впечатлений, а его позднейшую обработку, подвергшуюся воздействию различных психических сил более позднего времени. «Детские воспоминания» индивидов приобретают – как общее правило – значение «воспоминаний покрывающих» и приобретают при этом замечательную аналогию с воспоминаниями детства народов, закрепленными в сказаниях и мифах.

Кто подвергал исследованию по методу психического анализа целый ряд лиц, тот накапливает в результате этой работы богатый запас примеров «покрывающих воспоминаний» всякого рода. Однако сообщение этих примеров в высшей степени затрудняется указанным выше характером отношений, существующих между воспоминаниями детства и позднейшей жизнью; чтобы уяснить значение того или иного воспоминания детства в качестве покрывающего воспоминания, нужно было бы нередко изобразить всю позднейшую жизнь данного лица. Лишь редко бывает возможно, как в следующем прекрасном примере, выделить из общей связи одно отдельное воспоминание.

Молодой человек 24 лет сохранил следующий образ из 5-го года своей жизни. Он сидит в саду дачного дома на своем стульчике рядом с теткой, старающейся научить его распознавать буквы.

Различие между *t* и *n* не дается ему, и он просит тетку объяснить ему, чем отличаются эти две буквы одна от другой. Тетка обращает его внимание на то, что у буквы *t* целой частью

¹³ Утверждаю это на основании некоторых справок, собранных мною.

больше, чем у п, – лишняя третья черточка. Не было никакого основания сомневаться в достоверности этого воспоминания; но свое значение оно приобрело лишь впоследствии, когда обнаружилось, что оно способно взять на себя символическое представительство иного рода любознательности мальчика. Ибо подобно тому, как ему тогда хотелось узнать разницу между буквами t и п, так впоследствии он старался узнать разницу между мальчиком и девочкой и, наверное, согласился бы, чтобы его учительницей была именно эта тетка. И действительно, он нашел тогда, что разница несколько аналогична, что у мальчика тоже одной частью больше, чем у девочки, и к тому времени, когда он узнал это, у него и пробудилось воспоминание о соответствующем детском вопросе.

На одном только примере я хотел бы показать, какой смысл может получить благодаря аналогичной обработке детское воспоминание, до того не имевшее, казалось бы, никакого смысла. Когда я на 43-м году жизни начал уделять внимание остаткам воспоминаний моего детства, мне вспомнилась сцена, которая давно уже (мне казалось – с самых ранних лет) время от времени приходила мне на мысль и которую надо было отнести, на основании вполне достаточных признаков, к исходу третьего года моей жизни. Мне виделось, как я стою, плача, и требую чего-то перед ящиком, дверцу которого держал открытой мой старший (на 20 лет) сводный брат; затем вдруг вошла в комнату моя мать, красивая, стройная, как бы возвращаясь с улицы.

Этими словами я выразил виденную мною пластическую сцену, о которой я больше ничего не мог бы сказать. Собирался ли брат открыть или закрыть ящик (когда я первый раз сформулировал это воспоминание, я употребил слово «шкаф»), почему я при этом плакал, какое отношение имел к этому приход матери – все это было для меня темно; я склонен был объяснить эту сцену тем, что старший брат чем-нибудь дразнил меня и это было прервано приходом матери.

Такие недоразумения в сохранившейся в памяти сцене из детства нередки: помнишь ситуацию, но в ней нет надлежащего центра; не знаешь, на какой из ее элементов должно пасть психическое ударение. Аналитический разбор вскрыл передо мной совершенно неожиданный смысл картины. Я не находил матери, ощутил подозрение, что она заперта в этом ящике или шкафу, и потому потребовал от брата, чтобы он открыл его. Когда он это сделал и я убедился, что матери в ящике нет, я начал кричать; это тот момент, который закреплен в воспоминании и за которым последовало успокоившее мою тревогу или тоску появление матери. Но каким образом пришла ребенку мысль искать мать в ящике? Снявшиеся мне в то время сны смутно напоминали мне о няньке, о которой у меня сохранились еще и другие воспоминания, о том, например, как она неукоснительно требовала, чтобы я отдавал ей мелкие деньги, которые я получал в подарок, – деталь, которая, в свою очередь, может претендовать на роль воспоминания, «прикрывающего» нечто позднейшее. Я решил облегчить себе на этот раз задачу истолкования и расспросил мою мать – теперь уже старуху – об этой няньке. Я узнал многое, в том числе, что она, умная, но нечестная особа, во время родов матери совершила у нас в доме большие покражи и по настоянию моего брата была предана суду. Это указание выяснило мне сразу, словно каким-то озарением, смысл рассказанной выше сцены. Внезапное исчезновение няньки не было для меня безразличным; я обратился как раз к этому брату с вопросом о том, где она, вероятно заметив, что в ее исчезновении он сыграл какую-то роль; он ответил мне уклончиво, играя словами, как это он любит делать и сейчас: «Ее заперли в ящик». Ответ этот я понял по-детски, буквально, но прекратил расспросы, потому что ничего больше добиться не мог. Когда немного времени спустя я хватился матери и ее не было, я заподозрил брата в том, что он сделал с ней то же, что и с нянькой, и заставил его открыть мне ящик. Я понимаю теперь, почему в передаче этого зрительного воспоминания детства подчеркнута худоба матери: мне должен был броситься в глаза ее вид только что выздоровевшего человека. Я двумя с половиной годами старше родившейся тогда сестры, а когда я достиг трехлетнего возраста, прекратилась наша совместная жизнь со сводным братом.

Обмолвки

Если обычный материал нашей разговорной речи на родном языке представляется огражденным от забывания, то тем более подвержен он другому расстройству, известному под названием обмолвок. Явление это, наблюдаемое у здорового человека, производит впечатление подготовительной ступени для так называемой парафазии, наступающей уже при патологических условиях.

В данном случае я имею возможность в виде исключения пользоваться (и воздать должное) подготовительной работой: в 1895 году Meiringer и С. Mayer опубликовали работу под заглавием «Versprechen und Verlesen» («Обмолвки и ошибки в чтении»); точка зрения, с которой они разбирают вопрос, выходит за пределы моего рассмотрения. Ибо один из авторов, от имени которого и ведется изложение, – языковед и взялся за исследование с точки зрения лингвиста, желая найти правила, по которым совершаются обмолвки. Он надеялся, что на основании этих правил можно будет заключить о существовании «известного духовного механизма», «в котором звуки одного слова, одного предложения и даже отдельные слова связаны и сплетены между собой совершенно особым образом».

Автор группирует собранные им примеры обмолвок сперва с точки зрения чисто описательной, разделяя их на: случаи *обмана* (например: Milo von Venus вместо Venus von Milo); *предвосхищения*, или *антиципации* (например: es war mir auf der Schwest... auf der Brust so schwer); *отзвуки*, или *постпозиции* (например: Ich fordere Sie auf, auf das Wohl unseres Chefs aufzustossen вместо anzustossen); *контаминации* (Er setzt sich auf den Hinterkopf, составленное из Er setzt sich einen Kopf auf и Er stellt sich auf die Hinterbeine); *подстановки* (Ich gebe die Präparate in den Briefkasten вместо Brütkasten); к этим главным категориям надо добавить еще некоторые, менее существенные или менее важные для наших целей. Для этой группировки безразлично, подвергаются ли перестановке, искажению, слиянию и т. п. отдельные звуки слова, слоги или целые слова задуманной фразы.

Для объяснения наблюдавшихся им обмолвок Мерингер устанавливает различие психической интенсивности произносимых звуков. Когда мы иннервируем первый звук слова, первое слово фразы, тогда процесс возбуждения уже обращается к следующим звукам и следующим словам, и, поскольку эти иннервации совпадают по времени, они могут взаимно влиять и видоизменять одна другую. Возбуждение более интенсивного психически звука предваряет прочие или, напротив, отзывается впоследствии и расстраивает таким образом более слабый иннервационный процесс. Вопрос сводится лишь к тому, чтобы установить, какие именно звуки являются в том или ином слове наиболее интенсивными. Мерингер говорит по этому поводу: «Для того чтобы установить, какой из звуков, составляющих слово, обладает наибольшей интенсивностью, достаточно наблюдать свои собственные переживания при отыскании какого-либо забытого слова, скажем – имени. То, что воскресает в памяти прежде всего, обладало во всяком случае наибольшей интенсивностью до утраты». «Высокой интенсивностью отличаются, таким образом, начальный звук коренного слова, начальный звук слова и, наконец, та или те гласные, на которых приходится ударение».

Я не могу здесь воздержаться от одного возражения. Принадлежит ли начальный звук имени к наиболее интенсивным элементам слова или нет, во всяком случае неверно, что в случаях забывания слов он восстанавливается в сознании первым; указанное выше правило, таким образом, неприменимо. Когда наблюдаешь себя в поисках позабытого имени, довольно часто случается выразить уверенность, что это имя начинается с такой-то буквы. Уверенность эта оказывается ошибочной столь же часто, как и основательной. Я решился бы даже утверждать, что в большинстве случаев буква указывается неправильно. В нашем примере с Синьорелли начальный звук и существенные слоги исчезли в подставных именах; и в имени Боттичелли

воскресли в сознании как раз менее существенные слоги «elli». Как мало считаются подставные имена с начальным звуком исчезнувшего имени, может показать хотя бы следующий пример. Как-то раз я тщетно старался вспомнить название той маленькой страны, где столица – *Монте-Карло*. Подставные имена гласили: *Пьемонт*, *Албания*, *Монтевидео*, *Колико*.

Албания была скоро заменена Черногорией (Montenegro), и тогда мне бросилось в глаза, что слог *монт* (читается *мон*) имеется во всех подставных именах, кроме одного лишь последнего. Это облегчило мне задачу, отправляясь от имени князя Альберта найти забытое *Монако*. *Колико* приблизительно воспроизводит последовательность слогов и ритм забытого слова.

Если допустить, что психический механизм, подобный тому, какой мы показали в случаях забывания имен, играет роль и в случаях обмолвок, то мы будем на пути к более глубокому пониманию этого последнего явления.

Расстройство речи, обнаруживающееся в форме обмолвки, может быть вызвано, во-первых, влиянием другой составной части той же речи – предвосхищением того, что следует впереди, или отзвуком сказанного, или другой формулировкой в пределах той же фразы той же мысли, которую собираешься высказать; сюда относятся все заимствованные у Мерингера и Мейера примеры; но расстройство может произойти и путем, аналогичным тому процессу, какой наблюдается в примере «Синьорелли»: в силу влияний, посторонних данному слову, предложению данной связи, влияний, идущих от элементов, которые высказывать не предполагалось и о возбуждении которых узнаешь только по вызванному ими расстройству. Одновременность возбуждения – вот то общее, что объединяет оба вида обмолвок, – нахождение внутри или вне данного предложения или данной связи составляет пункт расхождения. На первый взгляд различие представляется не столь большим, каким оно оказывается затем с точки зрения некоторых выводов из симптоматиологии данного явления. Но совершенно ясно, что лишь в первом случае есть надежда на то, чтобы из феномена обмолвок можно было сделать выводы о существовании механизма, связывающего отдельные звуки и слова так, что они взаимно влияют на способ их произношения, т. е. выводы, на которые рассчитывал при изучении обмолвок лингвист. В случаях расстройства, вызванного влияниями, стоящими вне данной фразы или связи речи, необходимо было бы прежде всего найти расстраивающие элементы, а затем встал бы вопрос, не может ли механизм этого расстройства также обнаружить предполагаемые законы образования речи.

Нельзя сказать, чтобы Мерингер и Мейер не заметили возможности расстройства речи силою «сложных психических влияний», элементами, находящимися вне данного слова, предложения или связи речи. Они не могли не заметить, что теория психической неравноценности звуков, строго говоря, может удовлетворительно объяснить лишь случаи нарушения отдельных звуков, равно как «предвосхищения» и «отзвуки». Там, где расстройство не ограничивается отдельными звуками, а простирается на целые слова, как это бывает при «подстановках» и «контаминациях» слов, там и они не колеблясь искали причину обмолвок вне задуманной связи речи и подтвердили это прекрасными примерами. Приведу следующие места.

«Р. рассказывает о вещах, которые он в глубине души считает свинством (Schweinerei). Он старается, однако, найти мягкую форму выражения и начинает: Dann über sind Thetsachen zum Vorschwein gekommen¹⁴. Мы с Мейером были при этом, и Р. подтвердил, что он думал Schweinerei (свинство). То обстоятельство, что слово, о котором он подумал, выдало себя и вдруг прорвалось при произнесении Vorschein, достаточно объясняется сходством обоих слов».

«При „подстановках“ так же, как и при контаминациях, но только, вероятно, в гораздо большей степени играют важную роль „летучие“ или „блуждающие“ словесные образы. Если

¹⁴ Непереводимая игра слов вместо zum Vorschein gekommen, что значит «обнаружились», слог *schein* заменен слогом *schwein* – свинья. – *Примеч. перев.*

они и находятся за порогом сознания, то все же в действенной близости к нему, могут с легкостью вызываться каким-либо сходством комплекса, подлежащего высказыванию, и тогда порождают „схождение с рельсов“ или врезаются в связь речи. „Летучие“ или „блуждающие“ словесные образы часто являются, как уже сказано, запоздалыми спутниками недавно протекавших словесных процессов (отзвуки)».

«„Схождение с рельсов“ возможно также и благодаря сходству: когда другое, похожее слово лежит близко к порогу сознания, *но не предназначается к произнесению*. Это бывает при подстановках. – Я надеюсь, что при проверке мои правила должны будут подтвердиться. Но для этого необходимо (если наблюдение производится над другим человеком) *уяснить себе все, что только передумал говорящий*¹⁵. Приведу поучительный пример. Директор училища Л. сказал в нашем обществе: Die Frau würde mir Furcht einlagen¹⁶. Я удивился, так как I показало мне здесь непонятным. Я позволил себе обратить внимание говорившего на его ошибку: einlagen вместо einjagen, на что он тотчас же ответил: „Да, это произошло потому, что я думал: Ich wäre nicht in der Lage“»¹⁷ и т. д.

«Другой случай. Я спрашиваю Р. ф. Ш., в каком положении его больная лошадь. Он отвечает: Ja, das draut... dauert vielleicht noch einen Monat¹⁸. Откуда взялось draut с его r, для меня было непонятно, ибо звук r из dauert не мог оказать такого действия. Я обратил на это внимание Р. ф. Ш., и он объяснил, что думал при этом: Es ist eine traurige Geschichte¹⁹. Говоривший имел, таким образом, в виду два ответа, и они смешались воедино».

Нельзя не заметить, как близко подходит к условиям наших анализов и то обстоятельство, что принимаются в расчет «блуждающие» словесные образы, лежащие за порогом сознания и не предназначенные к произношению, и предписание осведомляться обо всем том, что думал говорящий. Мы тоже отыскиваем бессознательный материал и делаем это тем же путем, с той лишь разницей, что путь, которым мы идем от того, что приходит в голову спрашиваемого, к отысканию расстраивающего элемента, – более длинный и ведет через комплексный ряд ассоциаций.

Остановлюсь еще на другом интересном обстоятельстве, о котором свидетельствуют примеры, приведенные у Мерингера. По мнению самого автора, сходство какого-либо слова в задуманном предложении с другим, не предполагавшимся к произнесению, дает этому последнему возможность путем искажения, смещения, компромисса (контаминации) дойти до сознания данного субъекта.

Lagen, Vorschein dauert,
jagen... schwein traurig.

В моей книге «О толковании сновидений»²⁰ я показал, какую роль играет процесс «сгущения» в образовании так называемого явного содержания сна из его скрытых мыслей. Какое-либо сходство, вещественное или словесное, между двумя элементами бессознательного материала служит поводом для создания третьего – смешанного, или компромиссного, представления, которое в содержании сна представляет оба слагаемых и которое в силу этого своего происхождения и отличается так часто противоречивостью отдельных своих черт.

¹⁵ Курсив мой.

¹⁶ Вместо: Die Frau würde mir Furcht einjagen («Эта женщина внушила бы мне страх»). – *Примеч. перев.*

¹⁷ «Я не был бы в состоянии».

¹⁸ «Да, это будет *тянуться*, быть может, еще месяц».

¹⁹ «Это *печальная история*».

²⁰ Die Traumdeutung. Leipzig und Wien. 1900.

Образование подстановок и контаминаций при обмолвках и есть, таким образом, начало той «сгустительной» работы, которую мы находим в полном ходу при построении сна.

В небольшой статье, предназначенной для широкого круга читателей (*Neue Freie Presse*, 23 августа 1900 года), Мерингер устанавливает особое практическое значение за некоторыми случаями обмолвок – теми именно, когда какое-либо слово заменяется противоположным ему по смыслу.

«Вероятно, все помнят еще, как некоторое время тому назад председатель австрийской палаты депутатов *открыл* заседание словами: „Уважаемое собрание! Я констатирую наличность стольких-то депутатов и объявляю заседание *закрытым!*“ Общий смех обратил его внимание на ошибку, и он исправил ее. В данном случае это можно, скорее всего, объяснить тем, что председателю хотелось иметь уже возможность действительно закрыть заседание, от которого можно было ожидать мало хорошего; эта сторонняя мысль – что бывает часто – прорвалась хотя бы частично, и в результате получилось „закрытый“ вместо „открытый“ – прямая противоположность тому, что предполагалось сказать. Впрочем, многочисленные наблюдения показали мне, что противоположные слова вообще очень часто подставляются одно вместо другого; они вообще тесно сплетены друг с другом в нашем сознании, лежат в непосредственном соседстве одно с другим и легко произносятся по ошибке».

Не во всех случаях обмолвок по контрасту так легко показать, как в примере с председателем, вероятность того, что обмолвка произошла вследствие своего рода протеста, который заявляется в глубине души против высказывавшегося предложения. Аналогичный механизм мы нашли, анализируя пример: *aliquis*; там внутреннее противодействие выразилось в забвении слова – вместо замены его противоположным. Для устранения этого различия заметим, однако, что словечко *aliquis* не обладает таким антиподом, каким являются по отношению друг к другу слова «закрывать» и «открывать», и далее, что слово «открывать», как весьма употребительное, не может быть забыто.

Если последние примеры Мерингера и Мейера показывают нам, что расстройство речи может происходить как под влиянием звуков и слов той же фразы, предназначенных к произнесению, так и под воздействием слов, которые находятся за пределами задуманной фразы *и иным способом не обнаружили бы себя*, – то перед нами возникает прежде всего вопрос, возможно ли резко разграничить оба этих вида обмолвок и как отличить случаи одной категории от другой. Здесь уместно вспомнить о словах Вундта, который в своей только что вышедшей в свет работе о законах развития языка (*Völkerpsychologie*. Т. I, часть I, с. 34 и дальше; 1900 год) рассматривает также и феномен обмолвок. Что, по мнению Вундта, никогда не отсутствует в этих явлениях и других, им родственных, – это известные психические влияния. «Сюда относятся прежде всего, как положительное условие, ничем не стесняемое течение *звуковых и словесных ассоциаций*, вызванных произнесенными звуками. В качестве отрицательного момента к нему присоединяется отпадение или ослабление воздействий воли, стесняющих это течение, и внимания, также выступающего здесь в качестве волевой функции. Проявляется ли эта игра ассоциаций в том, что предвосхищается предстоящий еще звук, или же репродуцируется произнесенный, или между другими какой-либо посторонний, но привычный, или в том, наконец, что на произносимые звуки оказывают свое действие совершенно иные слова, находящиеся с ними в ассоциативной связи, – все это означает лишь различия в направлении и, конечно, различия в том, каким простором пользуются происходящие ассоциации, но не в их общей природе. И во многих случаях трудно решить, к какой форме причислить данное расстройство и не следует ли с большим основанием, следуя *принципу сочетания причин*²¹, поставить его на счет совпадения нескольких мотивов».

²¹ Курсив мой.

Я считаю замечания Вундта вполне основательными и чрезвычайно поучительными. Быть может, можно было бы с большей решительностью, чем это делает Вундт, подчеркнуть, что позитивно благоприятствующий момент в словесных ошибках – беспрепятственное течение ассоциаций – и негативный момент – ослабление стесняющего его внимания – действуют всегда совместно, так что оба момента оказываются лишь различными сторонами одного и того же процесса. С ослаблением стеснительного внимания и приходит в действие беспрепятственное течение ассоциаций, или, выражаясь еще категоричнее: *через* это ослабление.

Среди примеров обмолвок, собранных мною, я почти не нахожу таких, где расстройство речи сводилось бы исключительно к тому, что Вундт называет «действием контакта звуков». Почти в каждом случае я нахожу еще и расстраивающее влияние чего-либо, находящегося *вне пределов* задуманной речи, и это что-то есть либо отдельная, оставшаяся неосознанной мысль, дающая о себе знать через посредство обмолвки и нередко лишь при помощи тщательного анализа могущая быть доведенной до сознания, или же это более общий психический мотив, направленный против всей речи в целом.

Пример:

а) Я хочу процитировать моей дочери, которая, кусая яблоко, состроила гримасу:

Der Affe gar possierlich ist,
Zumal wenn er vorm Apfel frisst²².

Но начинаю: der Apfe...

По-видимому, это можно рассматривать как контаминацию, компромисс между словами Affe (обезьяна) и Apfel (яблоко) или же как антиципацию последующего Apfel. В действительности же положение дела таково. Я уже раз начал эту цитату и при этом не обмолвился. Обмолвка произошла лишь при повторении цитаты; повторить же пришлось потому, что дочь моя, занятая другим, не слушала. Это-то повторение и связанное с ним нетерпение, желание отделаться от этой фразы и надо также засчитать в число мотивов моей обмолвки, выступающей в форме процесса «сгущения».

б) Моя дочь говорит: Ich schreibe der Frau Schresinger (я пишу г-же *Шрезингер*). Фамилия этой дамы на самом деле Шлезингер. Эта ошибка, конечно, находится в связи с тенденцией к облегчению произношения, так как после нескольких звуков *p* трудно произнести *l*. Однако я должен прибавить, что эта обмолвка случилась у моей дочери через несколько минут после того, как я сказал Apfe вместо Affe. Обмолвки же в высокой мере заразительны, так же как и забывание имен, по отношению к которому эта особенность отмечена у Мерингера и Мейера. Причину этой психической прилипчивости я затрудняюсь указать.

в) Пациентка говорит мне в самом начале визита: Ich klappe zusammen, wie ein Tassenmescher – Taschenmesser²³. Звуки перепутаны, и это может быть опять-таки оправдано трудностью произношения. Но когда ей была указана ошибка, она, не задумываясь, ответила: «Это потому, что вы сегодня сказали Ernst» (вместо ernst – «серьезно»). Я действительно встретил ее фразой, в которой в шутку искажил это слово. Во все время приема она постоянно обмолвливается, и я замечаю, конечно, что она не только имитирует меня, но имеет еще и особое основание бессознательно останавливаться на имени Эрнст²⁴.

²² Обезьяна очень смешная, особенно когда она ест яблоко.

²³ «Я складываюсь, как перочинный ножик».

²⁴ Она находилась, как это выяснилось, под влиянием бессознательной мысли о беременности и предупреждения родов. Словами о перочинном ноже, которыми она сознательно выразила жалобу, она хотела описать положение ребенка в утробе матери. Слово ernst в моем обращении напомнило ей фамилию (S. Ernst) известной венской фирмы, анонсирующей продажу предохранительных средств против беременности.

г) Та же пациентка другой раз совершает такую обмолвку: *Ich bin so verschnupft, ich kann nicht durch die ase natmen*²⁵. Она тотчас же отдает себе отчет в том, откуда эта ошибка. «Я каждый день сажусь в трамвай на *Hasenauergasse*, и сегодня утром, когда я ждала трамвай, мне пришло в голову, что, если бы я была француженкой, я выговаривала бы название улицы *Asebauer*, потому что французы пропускают звук *h* в начале слова». Далее она сообщает целый ряд воспоминаний о французах, с которыми она была знакома, и в результате длинного обходного движения приходит к воспоминанию о том, что 14-летней девочкой она играла в пьесе «*Kurmärker und Picarde*» роль Пикарды и говорила тогда на ломаном немецком языке. В тот дом, где она жила, приехал теперь гость из Парижа, случайность, которая и вызвала весь этот ряд воспоминаний. Перестановка звуков была, таким образом, вызвана вмешательством бессознательной мысли, совершенно не связанной с тем, о чем шла речь.

д) Аналогичен механизм обмолвки у другой пациентки, которой вдруг изменяет память в то время, как она рассказывает давно забытое воспоминание детства. Она не может припомнить, за какое место схватила ее рука некоего человека. Непосредственно вслед за этим она приходит в гости к своей подруге и разговаривает с ней о дачных квартирах. Ее спрашивают, где находится ее домик в М., и она отвечает: *An der Berglende* вместо *Berglehne*²⁶.

е) Другая пациентка, которую я спрашиваю по окончании приема, как здоровье ее дяди, отвечает: «Не знаю, я вижу его теперь только *in flagranti*». На следующий день она начинает: «Мне было очень стыдно, что я вам так глупо ответила. Вы, конечно, должны были счесть меня совершенно необразованным человеком, постоянно путающим иностранные слова. Я хотела сказать *en passant*». Тогда мы еще не знали, откуда она взяла неправильно употребленное иностранное слово. Но в тот же день она сообщила, продолжая разговор, о вчерашнем воспоминании, в котором главную роль играла поимка с поличным – *in flagranti*. Ошибка прошлого дня, таким образом, предвосхитила не осознанное еще в то время воспоминание.

ж) Относительно другой пациентки мне пришлось в ходе анализа высказать предположение, что в то время, о котором у нас шел разговор, она стыдилась своей семьи и сделала своему отцу упрек, нам еще неизвестный. Она ничего такого не помнит и считает это вообще неправдоподобным. Разговор о ее семье, однако, продолжается, и она делает такое замечание: «Одно нужно за ним признать: это все-таки необычные люди – *sie haben alle Geiz*» («скупость» вместо *Geist* – «дух», «ум»). И таков был действительно тот упрек, который она вытеснила из своей памяти. Что при обмолвке прорывается как раз та идея, которую хотелось бы подавить, – явление общее (ср. случай Мерингера: *Vorschwein*). Разница лишь в том, что у Мерингера говоривший субъект хотел подавить нечто известное ему, в то время как моя пациентка не сознает подавляемого, или, выражаясь иначе, не знает, что она нечто подавляет и что именно она подавляет.

з) «Если вы хотите купить ковры, идите к Кауфману в *Mathäusgasse*. Я думаю, что смогу вас там отрекомендовать», – говорит мне одна дама. Я повторяю: «Стало быть, у Матеуса... Я хотел сказать, у Кауфмана». На первый взгляд это простая рассеянность: я поставил одно имя на место другого. Под влиянием того, что мне говорила дама, я действительно проявил некоторую рассеянность, так как она направила мое внимание на нечто другое, что было для меня несравненно важнее, чем ковры. В *Mathäusgasse* находится дом, в котором жила моя жена, когда она еще была моей невестой. Вход в дом был с другой улицы, и теперь я заметил, что название этой последней я забыл; восстановить его приходится окольным путем. Имя Матеуса, на котором я остановился, послужило мне заместителем позабытого названия улицы. Оно более пригодно для этого, чем имя Кауфмана, так как употребляется только для обозначения

²⁵ Вместо *Nase atmen* – «У меня такой насморк, что я не могу дышать носом».

²⁶ *Lende* – бедро; *Berglehne* – склон горы.

лица в противоположность слову «Кауфман» (Kaufmann – купец); забытая же улица названа также по имени лица *Радецкого*.

и) Следующий случай я мог бы отнести к рубрике ошибок, о которой будет речь ниже; привожу его, однако, здесь, потому что звуковые соотношения, на основе которых произошла замена слов, выступают в нем с особенной наглядностью. Пациентка рассказывает мне свой сон. Ребенок решился покончить с собою посредством укуса змеи; он приводит это в исполнение, она видит, как он бьется в судорогах и т. д. Предлагаю ей найти повод для этого сна в том, что она пережила накануне. Она тотчас же вспоминает, что вчера вечером слушала популярную лекцию об оказании первой помощи при змеином укусе. Если укушены одновременно ребенок и взрослый, то прежде всего надо оказать помощь ребенку. Она вспоминает также, какие указания дал лектор о мерах, которые надо принять. Многое зависит от того, сказал он, какой породы укусившая змея. Я перебиваю ее и спрашиваю: не говорил ли он о том, что в наших краях очень мало ядовитых пород и каких именно следует опасаться? «Да, он назвал гремучую змею (Klapperschlange)». Я улыбаюсь, и она замечает, что сказала что-то не так. Однако она не исправляет название, а берет все свое заявление обратно: «Да, такой ведь у нас нет; он говорил о гадюке. Каким образом пришла мне на ум гремучая змея?» Я подозревал, что это произошло вследствие примешавшихся сюда мыслей, скрытых за ее сном. Самоубийство посредством змеиного укуса вряд ли может иметь другой смысл, как указание на *Клеопатру*. Значительное звуковое сходство обоих слов (Kleopatra и Klapperschlange), совпадение букв kl...r...g, следующих в одном и том же порядке, и повторение той же буквы «а» с падающим на нее ударением было совершенно очевидно. Связь между именами Klapperschlange и Kleopatra ограничивает на минуту способность суждения моей пациентки, и благодаря этому утверждение, будто лектор поучал венскую публику, какие меры принимать при укусе гремучей змеи, не показалось ей странным. Вообще же она знает столь же хорошо, как и я, что гремучие змеи у нас не водятся. Если она и перенесла, не задумываясь, гремучую змею в Египет, то это вполне простительно, ибо мы привыкли сваливать все неевропейское, экзотическое в одну кучу, и я сам тоже должен был на минуту призадуматься, прежде чем установить, что гремучая змея встречается только в Новом Свете.

Дальнейшие подтверждения мы встречаем при продолжении анализа. Моя пациентка всего лишь накануне осмотрела выставленную недалеко от ее квартиры скульптуру Штрассера – «*Антоний*». Это был второй повод для ее сновидения (первый – лекция о змеиных укусах). В дальнейшем течении сна она укачивала ребенка, и по поводу этой сцены ей вспоминалась Маргарита из «*Фауста*». Далее у нее возникли воспоминания об «*Арриасе и Мессалине*». Это обилие имен из драматических произведений заставляет предполагать, что пациентка в прежние годы тайно мечтала об артистической карьере. И начало сна, будто ребенок решил покончить с собой посредством укуса змеи, поистине должно означать: ребенком она собиралась стать знаменитой артисткой. Наконец, от имени Мессалины ответвляется ход мыслей, ведущий к основному содержанию сна. Некоторые происшествия последнего времени породили в ней беспокойство, что ее единственный брат вступит в не подходящий для него брак с неарийкой, т. е. допустит mesalliance.

й) Хочу привести здесь совершенно невинный – или, быть может, недостаточно выясненный в своих мотивах – пример, обнаруживающий весьма прозрачный механизм.

Путешествующий по Италии немец нуждается в ремне, чтобы обвязать попорченный чемодан. Из словаря он узнает, что «ремень» по-итальянски соггегіа. Это слово нетрудно запомнить, думает он, стоит мне подумать о художнике Корреджио. Он идет в лавку и просит: una gibera.

По-видимому, ему не удалось заменить в своей памяти немецкое слово итальянским, но все же старания его не были совершенно безуспешны. Он знал, что надо иметь в виду имя художника, но вспомнилось ему не то имя, с которым связано искомое итальянское слово, а то,

которое приближается к немецкому слову Riemen (ремень). Этот пример может быть, конечно, и отнесен в такой же мере к категории забывания имен, как к обмолвкам.

Собирая материал об обмолвках для первого издания этой книги, я придерживался правила подвергать анализу все случаи, какие только приходилось наблюдать, даже и менее выразительные. С тех пор занимательную работу собирания и анализирования обмолвок взяли на себя многие другие, и я могу теперь черпать из более богатого материала.

к) Молодой человек говорит своей сестре: «С семейством Д. я окончательно рассорился; я уже не раскланиваюсь с ними». Она отвечает: *Überhaupt eine saubere Lippschaft* – вместо *Sippschaft* («вообще чистенькая семейка»); в этой ошибке выражены две вещи: во-первых, брат ее когда-то начал флирт с одной девицей из этой семьи, во-вторых, про эту девицу рассказывали, что в последнее время она завела серьезную любовную связь.

л) Целый ряд примеров я заимствую у моего коллеги д-ра В. Штекеля из статьи в «*Berliner Tageblatt*» от 4 января 1904 года под заглавием «*Unbewusste Geständnisse*» («Бессознательные признания»).

«Неприятную шутку, которую сыграли со мной мои бессознательные мысли, раскрывает следующий пример. Должен предупредить, что в качестве врача я никогда не руковожусь сообщениями заработка и – что разумеется само собой – имею всегда в виду лишь интересы больного. Я пользуюсь больной, которая пережила тяжелую болезнь и ныне выздоравливает. Мы провели ряд тяжелых дней и ночей. Я рад, что ей лучше, рисую ей все прелести предстоящего пребывания в Аббации и прибавляю: „Если вы, на что я надеюсь, не скоро встанете с постели“.

Причина этой обмолвки, очевидно, эгоистический бессознательный мотив – желание дольше лечить эту больную, желание, которое совершенно чуждо моему сознанию и которое я отверг бы с негодованием».

м) Другой пример (д-р В. Штекель). «Моя жена нанимает на послеобеденное время французенку и, столкнувшись с ней об условиях, хочет сохранить у себя ее аттестации. Французенка просит оставить их у нее и мотивирует это: *Je cherche encore pour les après-midi, pardon les avants-midi*²⁷. Очевидно, у нее есть намерение посмотреть еще, не найдет ли она место на лучших условиях, – намерение, которое она действительно выполнила».

н) «Я читаю одной даме вслух Книгу Левит, и муж ее, по просьбе которого я это делаю, стоит за дверью и слушает. По окончании моей проповеди, которая произвела заметное впечатление, я говорю: „До свидания, Monsieur“. Осведомленный человек мог бы узнать отсюда, что мои слова были обращены к мужу и что говорил я ради него».

о) Д-р Штекель рассказывает о себе самом: одно время он имел двух пациентов из Триеста, и, здороваясь с ними, он постоянно путал их фамилии. «Здравствуйте, г-н Пелони», – говорил он, обращаясь к Асколи, и наоборот. На первых порах он не был склонен приписывать этой ошибке более глубокую мотивировку и объяснял ее рядом общих черт, имевшихся у обоих пациентов. Он легко убедился, однако, что перепутывание имен объяснялось здесь своего рода хвастовством, желанием показать каждому из этих двух итальянцев, что не один лишь он приехал к нему из Триеста за медицинской помощью.

п) Сам д-р Штекель говорит в бурном собрании: *Wir streiten (schreiten) nun zu Punkt 4 der Tagesordnung*: «мы спорим» (вместо «переходим») к 4-му пункту порядка дня.

р) Некий профессор говорит во вступительной лекции: *Ich bin nicht geneigt (geeignet), die Verdienste meines sehr geschätzten Vorgängers zu schildern*: «я не расположен (вместо – не считаю себя способным) говорить о заслугах моего уважаемого предшественника».

с) Д-р Штекель говорит даме, у которой предполагает базедову болезнь: *Sie sind um einen Kropf (kopf) grösser als ihre Schwester*. – «Вы зобом (вместо головой) выше вашей сестры». При психотерапевтических приемах, которыми я пользуюсь для разрешения и устранения невро-

²⁷ «Я ищу еще место на послеобеденное, pardon, на дообеденное время».

тических симптомов, очень часто встает задача: проследить в случайных на первый взгляд речах и словах пациента тот круг мыслей, который стремится скрыть себя, но все же нечаянно, самыми различными путями выдает себя. При этом обмолвки служат зачастую весьма ценную службу, как я мог бы показать на самых убедительных и вместе с тем причудливых примерах. Пациентка говорит, например, о своей тетке и неуклонно называет ее, не замечая своей обмолвки, «моя мать» или своего мужа «мой брат». Этим она обращает мое внимание на то, что она отождествила этих лиц, поместила их в один ряд, означающий для ее эмоциональной жизни повторение того же типа. Или: молодой человек 20 лет представляется мне на приеме следующим образом: «Я *отец* NN, которого вы лечили, – pardon, я хотел сказать: брат; он на четыре года старше меня». Я понимаю, что этой своей обмолвкой он хочет сказать, что он так же, как и его брат, заболел по вине отца, как и брат, нуждается в лечении, но что нужнее всего лечение – отцу. Иной раз достаточно непривычно звучащего словосочетания, некоторой натянутости выражения, чтобы обнаружить участие вытесненной мысли в иначе мотивированной речи пациента.

Как в грубых, так и в более тонких погрешностях речи, которые еще можно отнести к ряду обмолвок, фактором, обуславливающим возникновение ошибки и достаточно объясняющим ее, я считаю не взаимодействие приходящих в контакт звуков, а влияние мыслей, лежащих за пределами задуманного. Сами по себе законы, в силу которых звуки видоизменяют друг друга, не подвергаются мной сомнению; мне только кажется, что их действия недостаточно для того, чтобы нарушить правильное течение речи. В тех случаях, которые я тщательно изучил и понял, они представляют собою лишь предуготовленный механизм, которым с удобством пользуется более отдаленный психический мотив, не ограничивая себя, однако, пределами его влияния. В целом ряде подстановок эти звуковые законы не играют при обмолвках никакой роли. В этом мои взгляды вполне совпадают с мнением Вундта, который также предполагает, что условия, определяющие обмолвки, сложны и выходят далеко за пределы простого взаимодействия звуков.

Считая прочно установленными эти, по выражению Вундта, «отдаленные психические влияния», я, с другой стороны, не вижу основания отрицать, что при ускорении речи и некотором отклонении внимания условия обмолвок могут легко свестись к тем пределам, которые установлены Мерингером и Мейером. Но, конечно, в некоторой части собранных этими авторами примеров более сложное объяснение скорее соответствует истине.

Возьму хотя бы приведенный уже случай: *Es war mir auf der Schwest... Brust so schwer*²⁸.

Так ли просто обстоит здесь дело, что *schwe* вытесняет здесь равно интенсивный слог *Bru* путем «предвосхищения»? Вряд ли можно отрицать, что звуки *schwe* оказались способны к этому «выступлению» еще и благодаря особой связи. Такой связью могла быть только одна ассоциация: *schwester* – *Bruder* (брат), или разве еще: *Brust der Schwester* (грудь сестры): ассоциация, ведущая к другим кругам мыслей. Этот невидимый, находящийся за сценой пособник и сообщает невинному *schwe* ту силу, успешное действие которой и проявляется в обмолвке.

При иных обмолвках приходится допустить, что собственно помехой является в них созвучие с неприличными словами и вещами. Преднамеренное искажение и коверканье слов и выражений, столь излюбленное дурно воспитанными людьми, только и имеет в виду, пользуясь невинным предлогом, напомнить о предосудительных вещах, и эта манера забавляться встречается так часто, что неудивительно, если она прокладывает себе дорогу бессознательно и против воли. К этой категории можно отнести целый ряд примеров: *Eischeissweibchen* вместо *Eiweiss Scheibchen*, *Apropos* вместо *Apophos*, *Lokuskapital* вместо *Lotuskapital*; быть может, также *Alabüsterbachse* (*Alabasterbüchse*) святой Мардаины²⁹. *Ich fordere sie auf, auf das Wohl*

²⁸ «Мою грудь (*Brust*) так давило». *Schwester* – сестра.

²⁹ У одной из моих пациенток симптоматические обмолвки продолжались до тех пор, пока их не удалось свести к детской

unseres Chefs aufzustossen – вместо anzustossen («предлагаю вам *отрыгнуть* за здоровье нашего патрона» – вместо «чокнуться») – вряд ли что-нибудь иное, как ненамеренная пародия, возникшая как отзвук намеренной.

На месте того патрона, в честь которого был сказан этот тост, я подумал бы о том, как умно поступали римляне, позволяя солдатам триумфатора громко, в шуточных песнях выражать свой внутренний протест против чествуемого. Мерингер рассказывает, как он сам обратился раз к старшему в обществе лицу, которое называли обыкновенно фамильярным прозвищем: Senexl или alter Senexl со словами: Prost Senex altesl! Он сам испугался этой ошибки. Быть может, нам станет понятен его аффект, если мы вспомним, как близко слово altesl к ругательству alter Esel («старый осел»). Неуважение к старости (или, в применении к детскому возрасту, – неуважение к отцу) влечет за собой суровую внутреннюю кару.

Я надеюсь, что читатели не упустят из виду различия в ценности этих ничем не доказуемых указаний и тех примеров, которые я сам собрал и подверг анализу. Но если я все же в глубине души продолжаю ожидать, что даже и простые на вид случаи обмолвок можно будет свести к расстраивающему воздействию полуподавленной идеи, лежащей вне задуманной связи, то к этому побуждает меня одно весьма ценное замечание Мерингера. Этот автор говорит: замечательно, что никто не хочет признать, что он обмолвился. Встречаются весьма разумные и честные люди, которые обижаются, если сказать им, что они обмолвились. Я не решился бы выразить это утверждение в такой общей форме, как Мерингер («никто...»). Но тот след аффекта, который остается при обнаружении обмолвки и, очевидно, имеет характер чувства стыда, не лишен значения. Его можно поставить на одну доску с тем чувством досады, которое мы испытываем, когда нам не удастся вспомнить забытое имя, или с тем удивлением, с каким мы встречаем сохранившееся у нас в памяти несущественное на первый взгляд воспоминание; аффект этот каждый раз свидетельствует о том, что в возникновении расстройств ту или иную роль сыграл какой-либо мотив.

Когда искажение имен продельвается нарочно, оно равносильно некоторого рода пренебрежению: то же значение оно имеет, надо думать, и в целом ряде случаев, когда оно выступает в виде ненамеренной обмолвки. Лицо, которое, по словам Мейера, сказало раз Freuder вместо Freud в силу того, что за этим следовало имя Breuer, а другой раз заговорило о Freuer-Breud'овском методе, наверно принадлежало к числу коллег по профессии и, надо полагать, было не особенно восхищено этим методом. Другой случай искажения имен, наверное не поддающийся иному объяснению, я приведу ниже в главе об описках³⁰. В этих случаях в качестве расстраивающего момента врезается критика, которую говорящему приходится опустить, так как в данную именно минуту она не отвечает его намерениям.

В других случаях – гораздо более значительных – к обмолвке и даже к замене задуманного слова прямой его противоположностью вынуждает самокритика, внутренний протест против собственных слов. В таких случаях с удивлением замечаешь, как измененный таким образом текст какого-либо уверения парализует его силу и ошибка в речи вскрывает неискренность сказанного³¹. Обмолвка становится здесь мимическим орудием выражения – нередко, правда, таким орудием, которым выражаешь то, чего не хотелось сказать, которым выдаешь самого себя. Когда, например, человек, который в своих отношениях к женщине не питает склонности к так называемым нормальным отношениям, вмешивается в разговор о девушке, известной своим кокетством, со словами: Im Umgang mit mir würde sie sich das Koettieren schon abgewöhnen (вместо Kokettieren – «со мной она бы уже отвыкла от кокетства»), то несомненно,

шутке: замене rinieren словом irinieren (вместо *разорять* – *испускать мочу*).

³⁰ Можно заметить также, что как раз аристократы особенно часто путают имена врачей, к которым они обращались; отсюда можно заключить, что, несмотря на обычно проявляемую ими вежливость, они относятся к врачам пренебрежительно.

³¹ При помощи такого рода обмолвки клеймит, например, Анцепгрубер в своем G'wissenswurm лицемера, домогающегося наследства.

что только влиянию слова *koitieren* (от *coitus*) и можно приписать такое изменение задуманного *kokettieren*.

Случайно складывающиеся удачные комбинации слов дают примеры обмолвок, играющих роль прямо-таки убийственных разоблачений, а иной раз производящие полный эффект хорошей остроты.

Таков, например, случай, наблюдавшийся и сообщенный д-ром *Reitler*-ом. Одна дама говорит другой в восхищении: *Diesen neuen reizenden Hut haben Sie wohl sich selbst aufgeputzt?* («Вы, вероятно, сами *напялили* (вместо „убрали“ – *aufgeputzt*) эту прелестную новую шляпу?»). Задуманную похвалу пришлось прервать; ибо тайная критическая мысль о том, что «украшение шляпы» (*Hutaufputz*) – просто нашлапка (*Patzerei*), выразилась в досадной обмолвке слишком ясно, чтобы приличествующее случаю выражение восторга могло еще быть принято всерьез.

Или следующий случай, который наблюдал д-р *Max Graf*:

«В общем собрании общества журналистов *Concordia* молодой член общества, постоянно нуждающийся в деньгах, держит резко оппозиционную речь и в возбуждении говорит: *Die Herren Vorschussmitglieder* (вместо: *Vorstands* – или *Ausschussmitglieder* – „члены правления“. *Vorschuss* – аванс). Члены правления уполномочены выдавать ссуды, и от молодого оратора уже поступило прошение о ссуде».

Курьезное впечатление производит обмолвка в том случае, когда она подтверждает что-либо, что пациент оспаривает и что было бы желательно установить врачу в его психоаналитической работе. У одного из пациентов мне случилось раз заняться истолкованием сна, в котором встречалось имя *Jauner*. Пациент знал лицо, носящее такое имя, но почему оно оказалось в связи данного сна – невозможно было найти, и я решился на предположение, не было ли это вызвано сходством данного имени с бранным словом *Gauner* (мошенник). Пациент поспешно и энергично запротестовал, но при этом опять обмолвился и этой обмолвкой только подтвердил мое предположение, так как произвел вторично ту же самую замену звуков. Его ответ гласил: *Das erscheint mir doch zu jewagt* (вместо *gewagt*: «мне кажется это слишком рискованным»). Когда я обратил его внимание на эту обмолвку, он согласился с моим толкованием.

Когда такого рода обмолвка, превращающая задуманное в его прямую противоположность, случается в серьезном споре, это тотчас же понижает шансы спорящего, и противник редко упускает случай использовать улучшившуюся для него ситуацию.

Прекрасный пример обмолвки, имеющей целью не столько выдать самого говорящего, сколько послужить ориентировке стоящего вне сцены слушателя, мы находим в шиллеровском *Валленштейне* (Пикколомини, действие 1, явление 5); она показывает нам, что поэт, употребивший это средство, хорошо знал механизм и смысл обмолвок. Макс Пикколомини в предыдущей сцене горячо выступает в защиту герцога и восторженно говорит о благах мира, раскрывшихся перед ним, когда он сопровождал дочь *Валленштейна* в лагерь. Он оставляет своего отца и посланника двора *Квестенберга* в полном недоумении. И затем 5-е явление продолжается так:

Квестенберг

О горе нам! Вот до чего дошло!

Друг, неужели в этом заблуждении

Дадим ему уйти, не позовем

Сейчас назад и здесь же не откроем

Ему глаза?

Октавио

Мне он открыл глаза.

И то, что я увидел, – не отрадно.

Квестенберг
Что же это, друг?
Октавио
Будь проклята поездка.
Квестенберг
Как? Почему?
Октавио
Идемте! Должен я
Немедленно ход злополучный дела
Сам проследить, увидеть сам... Идем!
Квестенберг
Зачем? Куда? Да объясните...
Октавио
К ней!
Квестенберг
К ней?
Октавио
К герцогу! Идем³².

Эта маленькая обмолвка: «к ней» вместо «к нему» – должна показать нам, что отец прозрел настоящую причину того, почему сын стал на сторону герцога, в то время как придворный жалуется, что «он говорит с ним сплошь загадками».

Изложенный здесь взгляд на обмолвки выдерживает испытание даже на мельчайших примерах. Я неоднократно имел возможность показать, что самые незначительные и самые естественные случаи обмолвок имеют свое основание и допускают ту же разгадку, что и другие, более бьющие в глаза примеры. Пациентка, которая, вопреки моему желанию, упорствуя в своем намерении, решается предпринять кратковременную поездку в Будапешт, оправдывается предо мной тем, что ведь она едет всего на три *дня*; но оговаривается и говорит: всего на три *недели*. Отсюда ясно, что она предпочла бы назло мне остаться вместо трех дней три недели в обществе, которое я считаю для нее неподходящим. Раз вечером я хочу оправдать себя в том, что не зашел за женой в театр и говорю: я был в 10 минут 11-го (10 minuten nach 10 Uhr) у театра. Меня поправляют: ты хочешь сказать – без десяти десять (10 minuten vor 10 Uhr). Разумеется, я хотел сказать: без десяти десять. Ибо 10 минут 11-го – это уже не было бы оправданием. Мне сказали, что на афише было обозначено: окончание на исходе 10-го часа. Когда я подошел к театру, в вестибюле было уже темно, театр – пуст. Спектакль, очевидно, окончился раньше, и жена не ждала меня. Когда я посмотрел на часы, было без пяти десять. Я решил, однако, изобразить дома дело в более благоприятном виде и сказать, что было десять часов без *десяти минут*. Обмолвка испортила все дело и вскрыла мою неискренность: она заставила меня признать больше, чем это даже требовалось.

Мы подходим здесь к тем видам расстройства речи, которые уже нельзя отнести к обмолвкам, так как они искажают не отдельное слово, а общий ритм и произношение; таково бормотание и заикание от смущения. Но и здесь в расстройстве речи скрывается внутренний конфликт. Я положительно не верю, чтобы кто-нибудь мог обмолвиться на аудиенции у государя, или при серьезном объяснении в любви, или в защитительной речи перед судом присяжных, когда дело идет о чести и добром имени, – словом, во всех тех случаях, когда, по меткому немецкому выражению, человек «всецело присутствует». Даже при оценке стиля писателя мы имеем все основания – и привыкли к этому – руководиться тем же принципом, без которого

³² Перев. А. К. Толстого.

мы не можем обойтись при выяснении отдельных погрешностей речи. Ясная и недвусмысленная манера писать показывает нам, что и мысль автора здесь ясна и уверенна, а там, где мы встречаем вымученные, вычурные выражения, пытающиеся сказать несколько вещей сразу, мы можем заметить влияние недостаточно продуманной, осложняющей мысли или же заглушенный голос самокритики.

Очитки и описки

Что по отношению к ошибкам в чтении и письме имеют силу те же точки зрения и те же указания, что и по отношению к погрешностям речи, – неудивительно, если принять в соображение близкое родство этих функций. Я ограничусь здесь сообщением нескольких тщательно проанализированных примеров и воздержусь от попытки охватить эти явления в целом.

Очитки

а) Я перелистываю в кафе номер «Лейпцигской иллюстрированной газеты», держа ее косо перед собой, и читаю название картины, занимающей страницу: Eine Hochzeitsfeier in der Odyssee – свадебное празднество в *Одиссее*. Обращаю на это внимание, в изумлении придвигаю к себе газету и читаю на этот раз правильно: Свадебное празднество an der Ostsee (на берегу Балтийского моря). Каким образом приключилась со мною бессмысленная ошибка? Мои мысли обращаются тотчас же к книге Ruths'a «Experimentaluntersuchungen über Musikphantome», сильно занимавшей меня в последнее время, так как она близко затрагивает разрабатываемые мною психологические проблемы. Автор обещает издать в ближайшем будущем работу под названием «Анализ и основные законы феноменов сна». Непосредственно перед этим я опубликовал свое «Толкование сновидений», и неудивительно поэтому, что я ожидаю этой книги с величайшим нетерпением. В книге Ruths'a о музыкальных фантомах я нашел в начале, в оглавлении, указание на имеющееся в тексте подробное индуктивное доказательство того, что древнегреческие мифы и сказания коренятся главным образом в дремотных и музыкальных фантомах, в феноменах сна, а также горячки. Я тотчас же обратился тогда к соответствующему месту в тексте, чтобы узнать, знаком ли он с тем, как известная сцена, когда Одиссей является Навсикае, сводится к обычному «сновидению о наготы». Один из моих друзей обратил мое внимание на прекрасное место в «Зеленом Генрихе» Г. Келлера, где он объясняет этот эпизод «Одиссеи» как объективирование снов блуждающего далеко от родины мореплавателя, и я, со своей стороны, привел его в связь со сном «показывания наготы». У Ruths'a я не нашел об этом ничего. Очевидно, в данном случае меня озабочивала мысль о приоритете.

б) Каким образом случилось, что я прочел однажды в газете: «В бочке (im Fass) по Европе» вместо «Пешком (zu Fuss)»? Этот анализ долгое время затруднял меня. Правда, прежде всего мне пришло в голову: вероятно, я имел в виду Диогена, и недавно еще я читал в истории искусства что-то об искусстве времен Александра.

Отсюда было уже недалеко и до известных слов Александра: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном». Была у меня также и смутная мысль о некоем *Германе Цайтунге*, который отправился в путешествие, упакованный в ящике. Но дальнейшей связи мне установить не удавалось; не удавалось мне также найти и ту страницу в истории искусства, где мне бросилось в глаза это замечание. Лишь спустя несколько месяцев мне внезапно вспомнилась опять эта загадка, уже было заброшенная, и на этот раз вместе с ней мне пришла в голову и разгадка. Я вспомнил замечание в какой-то газетной статье о том, какие странные способы *передвижения* (Beförderung) изобретают люди, чтобы попасть в Париж на Всемирную выставку; там же, помнится, в шутку сообщалось, что какой-то господин собирается отправиться в Париж в бочке, которую катит другой господин. Разумеется, единственным мотивом этих людей – писала газета – было желание произвести своими глупостями сенсацию. Человек, который первый подал пример такого необычайного передвижения, назывался действительно *Герман Цайтунг*. Затем мне вспомнилось, что я однажды лечил пациента, обнаружившего болезненную боязнь газеты (Zeitung), боязнь, которая, как это выяснилось при анализе, была реакцией на

болезненное *честолюбие* – желание увидеть свое имя в печати и встретить в газете упоминание о себе как о знаменитости. Александр Македонский был, несомненно, один из самых честолюбивых людей, какие только жили на свете. Недаром он жаловался, что не может найти второго Гомера, который воспел бы его деяния. Но как мне не пришло в голову, что ближе ко мне другой *Александр*, что таково имя моего младшего брата! Тогда я тотчас же нашел предосудительную и требовавшую вытеснения мысль, имевшую отношение к этому Александру, как и непосредственный повод к ней. Мой брат – специалист в делах тарифных и *транспортных* и должен был к известному времени за свою педагогическую деятельность в коммерческой высшей школе получить звание профессора. К такому же *повышению* (Beförderung) я был представлен в университете уже много лет назад, но еще не получил его. Наша мать выразила тогда свое недовольство по поводу того, что ее младшему сыну предстояло раньше получить профессорское звание, чем старшему. Такое было положение дел в то время, когда я не мог найти разгадки для моей ошибки в чтении. После этого мой брат также встретился с трудностями: его шансы на профессию упали еще ниже моих. И тогда мне сразу стал ясен смысл этой очитки; слово *понижение* шансов моего брата устранило какое-то препятствие. Мое поведение было таково, как будто я читаю в газете о назначении моего брата и говорю сам себе при этом: удивительно, что благодаря таким глупостям (какими он занимается по профессии) можно попасть в газету (т. е. получить профессорское звание)! Место в книге о греческом искусстве эпохи Александра я нашел тогда без труда и убедился, к моему изумлению, что во время своих прежних поисков я неоднократно просматривал эту же страницу и, как бы под влиянием какой-то отрицательной галлюцинации, каждый раз пропускал это место. Впрочем, оно не заключало ничего такого, из чего я мог бы понять, что собственно должно было быть позабыто. Я думаю, что симптом ненахождения в книге был создан только для того, чтобы сбить меня с пути. Нужно было, чтобы я искал продолжения серии мыслей именно там, где мое исследование натолкнулось на препятствие, стало быть – в какой-нибудь мысли об Александре Македонском, и чтобы мое внимание таким образом было тем надежнее отвлечено от другого Александра – моего брата. И это действительно удалось вполне; я направил все свои усилия на то, чтобы вновь найти утраченное место из истории искусств.

Двусмысленность слова Beförderung («передвижение» и «повышение») создала в данном случае ассоциативный мост между двумя комплексами – несущественным, который был вызван чтением газетной заметки, и другим, более интересным, но зато и предосудительным, который мог здесь оказать свое действие в форме искажения прочитанного текста. Из этого примера видно, что не всегда бывает легко выяснить эпизоды вроде такой ошибки. Иной раз бывает необходимо отложить разрешение загадки на более благоприятное время. Но чем труднее оказывается разгадывание, тем с большей уверенностью можно ожидать, что, будучи наконец вскрыта, мешающая мысль будет воспринята нашим сознательным мышлением как нечто чуждое и противоположное.

в) Однажды я получаю письмо из окрестностей Вены, сообщающее мне потрясающую новость. Зову тотчас же мою жену и делюсь с ней печальным известием о том, что бедная г-жа Вильгельм М. так тяжело больна, что врачи считают ее безнадежной. В тех словах, в которых я выразил свое сожаление, что-то должно было звучать неправильно, потому что жена моя смотрит на меня с недоверием, просит, чтобы я ей дал прочесть письмо, и выражает свою уверенность, что этого там не может быть, ибо никто не называет жены по имени мужа; к тому же автору письма прекрасно известно имя жены. Я упорно стою на своем и ссылаюсь на обычные визитные карточки, на которых жена сама обозначает себя по имени мужа. В конце концов приходится взять письмо, и мы действительно читаем в нем: «*бедный В. М.*», более того – чего я совсем не заметил: «*бедный д-р В. М.*». Моя ошибка означала, таким образом, если можно так выразиться, судорожную попытку перенести печальное известие с мужа на жену. Находившаяся между прилагательным и собственным именем обозначение звания плохо вязалось с

требованием, чтобы дело касалось жены, и потому при чтении было устранено. Мотивом этого искажения было, однако, не то, чтобы жена была мне менее симпатична, чем муж, а то, что участь этого несчастного вызвала во мне беспокойство о другом, близком мне человеке, чья болезнь была в некотором отношении аналогична этой.

г) Досадна и смешна ошибка, которую я делаю очень часто, когда случается на каникулах гулять по улицам незнакомого города. На каждой вывеске, которая сколько-нибудь подходит для этого, я читаю: «антикварная торговля». В этом сказывается зуд коллекционера.

Описки

а) На листе бумаги, заключающем в себе краткие ежедневные заметки, преимущественно делового характера, я, к удивлению своему, нахожу среди правильных дат сентября месяца ошибочное обозначение «четверг, 20 октября». Нетрудно объяснить это предвосхищение – как выражение пожелания. Несколькими днями раньше я вернулся из каникулярного путешествия и ощущаю готовность к усиленной врачебной деятельности; но число пациентов еще невелико. Приехав, я нашел письмо от одной больной, которая пишет, что будет у меня 20 октября. В тот момент, когда я собирался поставить ту же дату сентября месяца, я мог подумать: «Пускай бы Х. была уже здесь; как жалко терять целый месяц!» – и с этой мыслью передвинул вперед дату. Мысль, вызвавшая расстройство, вряд ли могла бы в данном случае показаться предосудительной, но зато и вскрыть причины описки мне удалось тотчас же, как только я ее заметил. Совершенно аналогичная и подобным же образом мотивированная описка повторилась затем осенью год спустя.

б) Я получаю корректуру моей статьи для «Ежегодника неврологии и патологии» и должен, естественно, с особенной тщательностью просмотреть имена авторов, которые принадлежат к различным нациям и представляют поэтому большие трудности для наборщика. Некоторые иностранные имена мне действительно приходится выправить, но одно имя наборщик исправил сам – по сравнению с тем, как оно было в рукописи, – и исправил с полным основанием. Я написал *Буркгард*; наборщик угадал в этом *Буркгард*. Я сам похвалил, как ценную, статью одного акушера о влиянии родов на происхождение детского паралича; ничего не имею и против автора; но у него в Вене есть однофамилец, рассердивший меня своей непонятливой критикой «Толкования сновидений». Было как раз так, словно я, списывая имя акушера Буркгарда, подумал что-то нехорошее о другом Буркгарде – писателе, ибо искажение имен обозначает сплошь да рядом – как я уже указывал в главе об обмолвках – пренебрежение³³.

в) Более серьезный случай описки, который, пожалуй, с тем же основанием можно было бы отнести к разряду «ошибочных действий», таков. Я намерен взять из сберегательной кассы сумму в 300 крон, которые я собираюсь послать родственнику, уехавшему лечиться. Я замечаю при этом, что у меня на счету имеется 4380 крон, и решаю свести эту сумму к круглой цифре 4000 крон, с тем чтобы в ближайшем времени их уже не трогать. Заполнив чек и написав соответствующие цифры, я вдруг замечаю, что написал не 380 крон, как предполагал, а как раз 438, и ужасаюсь ненадежности, которую я проявил. Что испуг мой неоснователен, я понял скоро; не стал же я беднее, чем раньше. Но мне пришлось довольно долго раздумывать над тем, какое влияние могло расстроить мое первоначальное намерение, не доходя до моего сознания. На первых порах я попадаю на ложный путь: вычитаю одно число из другого, но не знаю, что сделать с разностью. В конце концов случайно пришедшая в голову мысль обнаруживает предо мной настоящую связь. 438 составляет ведь *десять процентов* всего моего счета в

³³ Ср. след. место из «Юлия Цезаря», д. III, явл. 3: «*Цинна*. Поистине, мое имя Цинна. *Гражданин*. Разорвите его на куски! Он заговорщик! *Цинна*. Я поэт Цинна, я не Цинна-заговорщик. *Гражданин*. Все равно; его имя Цинна, вырвите у него имя из сердца и опустите его».

4380 крон! Десятипроцентную же уступку дает *книгопродавец*! Я вспоминаю, что несколькими днями раньше я отобрал ряд медицинских книг, утративших для меня интерес, и предложил их книгопродавцу как раз за 300 крон. Он нашел, что цена слишком высока, и обещал через несколько дней дать окончательный ответ. Если он примет мое предложение, то этим как раз возместит ту сумму, которую я собираюсь издержать на больного. Несомненно, что этих денег мне жалко. Аффект, испытанный мной, когда я заметил ошибку, может быть скорее объяснен как боязнь обеднеть из-за таких расходов. Но и то и другое, и сожаление об этом расходе, и связанная с ним боязнь обеднеть, совершенно чужды моему сознанию; я не чувствовал сожаления, когда обещал эту сумму, и мотивировку этого сожаления нашел бы смешной. Я, вероятно, и не поверил бы, что во мне может зашевелиться такое чувство, если бы, благодаря практике психоанализов, производимых над пациентами, я в значительной степени не освоился с феноменом вытеснения в душевной жизни и если бы несколькими днями раньше не видел сна, который требовал того же самого объяснения³⁴.

г) Цитирую по д-ру W. Stekel'ю следующий случай, достоверность которого также могу удостоверить:

«Прямо невероятный случай ошибочного чтения и письма произошел в редакции одного распространенного еженедельника. Редакция эта была публично названа „продажной“; надо было дать отповедь и защититься. Статья была написана очень горячо, с большим пафосом. Главный редактор прочел статью, автор прочел ее, конечно, несколько раз – в рукописи и в гранках; все были очень довольны. Вдруг появляется корректор и обращает внимание на маленькую ошибку, никем не замеченную. Соответствующее место ясно гласило: „Наши читатели засвидетельствуют, что мы всегда самым корыстным образом (in eigennützigster Weise) отстаивали общественное благо“. Само собой понятно, что должно было быть написано: „самым *бескорыстным* образом“ (in uneigennützigster Weise)». Но истинная мысль со стихийной силой прорвалась через патетическую фразу.

Вундт дает интересное объяснение тому факту (который можно легко проверить), что мы скорее подвергаемся опискам, чем обмолвкам.

«В процессе нормальной речи задерживающая функция воли постоянно направлена на то, чтобы привести в соответствие течение представлений и движение органа речи. Но когда сопутствующие представлениям, выражающие их акты замедляются в силу механических причин, как это бывает при письме... подобного рода антиципации наступают особенно легко».

Наблюдение условий, в которых случаются ошибки в чтении, дает повод к сомнению, которое я не хочу обойти молчанием, так как оно, на мой взгляд, может послужить отправной точкой для плодотворного исследования. Всякий знает, как часто при *чтении вслух* внимание читающего оставляет текст и обращается к собственным мыслям. В результате этого отклонения внимания читающий нередко вообще не в состоянии бывает сказать, что он прочел, если его прервут и спросят об этом. Он читал как бы автоматически, но при этом почти всегда верно. Я не думаю, чтобы при этих условиях число ошибок заметно увеличивалось. Предполагаем же мы обычно относительно целого ряда функций, что с наибольшей точностью они выполняются тогда, когда это делается автоматически, т. е. когда внимание работает почти бессознательно.

Отсюда, по-видимому, следует, что та роль, которую играет внимание при обмолвках, описках, ошибках в чтении определяется иначе, чем это делает Вундт (устранение или ослабление внимания). Примеры, которые мы подвергли анализу, не дали нам, собственно, права допустить количественное ослабление внимания; мы нашли – что, быть может, не совсем то же – *расстройство* внимания посторонней мыслью, предъявляющей свои требования.

³⁴ Это тот сон, который я привел в виде примера в небольшой статье «О сне», напечатанной в № 8 «Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens», изд. Löwenfeld и Kurella, 1901 год.

Забывание впечатлений и намерений

Если бы кто-нибудь был склонен преувеличивать то, что нам известно теперь о душевной жизни, то достаточно было бы указать на функцию памяти, чтобы заставить его быть скромнее. Ни одна психологическая теория не была еще в состоянии дать отчет об основном феномене воспоминания и забывания в его совокупности; более того, последовательное расчленение того фактического материала, который можно наблюдать, едва лишь начато. Быть может, теперь забывание стало для нас более загадочным, чем припоминание, с тех пор как изучение сна и патологических явлений показало, что в памяти может внезапно всплывать и то, что мы считали давно забытым.

Правда, мы установили уже несколько отправных точек, для которых ожидаем всеобщего признания. Мы предполагаем, что забывание есть самопроизвольный процесс, который можно считать протекающим на протяжении известного времени. Мы подчеркиваем, что при забывании происходит известный отбор наличных впечатлений, равно как и отдельных элементов каждого данного впечатления или переживания. Нам известны некоторые условия сохранения в памяти и пробуждения в ней того, что без этих условий было бы забыто. Однако повседневная жизнь дает нам бесчисленное множество поводов заметить, как неполно и неудовлетворительно наше знание. Стоит прислушаться к тому, как двое людей, совместно воспринимавших внешние впечатления, – скажем, проделавших вместе путешествие – обмениваются спустя некоторое время своими воспоминаниями. То, что у одного прочно сохранилось в памяти, другой сплошь да рядом забывает, словно этого и не было; при этом мы не имеем никакого основания предполагать, чтобы данное впечатление было для первого психически более значительно, чем для второго. Ясно, что целый ряд моментов, определяющих отбор для памяти, ускользает от нас.

Желая прибавить хотя бы немного к тому, что мы знаем об условиях забывания, я имею обыкновение подвергать психологическому анализу те случаи, когда мне самому приходится что-либо забыть. Обычно я занимаюсь лишь определенной категорией этих случаев – теми именно, которые приводят меня в изумление, так как я ожидаю, что данная вещь должна быть мне известна. Хочу еще заметить, что вообще я не склонен к забывчивости (по отношению к тому, что я пережил, не к тому, чему научился!) и что в юношеском возрасте я в течение некоторого короткого времени был способен даже на необыкновенные акты запоминания. В ученические годы для меня было совершенно естественным делом повторить наизусть прочитанную страницу книги, и незадолго до поступления в университет я был в состоянии записывать научно-популярные лекции непосредственно после их прослушивания почти дословно. В напряженном состоянии, в котором я находился перед последними медицинскими экзаменами, я, по-видимому, еще использовал остатки этой способности, ибо по некоторым предметам я давал экзаменаторам как бы автоматические ответы, точно совпадающие с текстом учебника, который я, однако, просмотрел всего лишь раз с величайшей поспешностью.

С тех пор способность пользоваться материалом, накопленным памятью, у меня постоянно слабеет, но все же вплоть до самого последнего времени мне приходилось убеждаться в том, что с помощью искусственного приема я могу вспомнить гораздо больше, чем мог бы ожидать. Если, например, пациент у меня на консультации ссылается на то, что я уже раз его видел, между тем как я не могу припомнить ни самого факта, ни времени, я облегчаю себе задачу путем отгадывания: вызываю в своем воображении какое-нибудь число лет, считая с данного момента. В тех случаях, когда имеющиеся записи или точные указания пациента делают возможным проконтролировать пришедшее мне в голову число, обнаруживается, что

я редко когда ошибаюсь больше чем на полгода при сроках, превышающих 10 лет³⁵. То же бывает, когда я встречаю малознакомого человека, которого из вежливости спрашиваю о его детях. Когда он рассказывает мне об успехах, которые они делают, я стараюсь вообразить себе, каков теперь возраст ребенка, проверяю затем эту цифру показаниями отца, и оказывается, что я ошибаюсь самое большее на месяц, при более взрослых детях – на 3 месяца; но при этом я решительно не могу сказать, что послужило для меня основанием вообразить именно такую цифру. Под конец я до того осмелел, что сам первый высказываю теперь свою догадку о возрасте, не рискуя при этом обидеть отца своей неосведомленностью насчет его ребенка. Таким образом, я лишь расширяю свое сознательное воспоминание, апеллируя к бессознательной памяти, во всяком случае более богатой.

Итак, я буду сообщать о *бросающихся в глаза* случаях забывания, которые я наблюдал по большей части на себе самом. Я различаю забывание впечатлений и переживаний, т. е. забывание того, что знаешь, от забывания намерений, т. е. упущение чего-то. Результат всего этого ряда исследований один и тот же: *во всех случаях в основе забывания лежит мотив нежелания*.

Забывание впечатлений и знаний

а) Летом моя жена подала мне безобидный, по существу, повод к сильному неудовольствию. Мы сидели за *table d'hôte* vis-à-vis с одним господином из Вены, которого я знал и который, по всей вероятности, помнил и меня. У меня были основания не возобновлять знакомства. Жена моя, однако расслышавшая лишь громкое имя своего vis-à-vis, весьма скоро дала понять, что прислушивается к его разговору с соседями, так как время от времени обращалась ко мне с вопросами, в которых подхватывалась нить их разговора. Мне не терпелось; наконец это меня рассердило. Несколько недель спустя я пожаловался одной родственнице на поведение жены; но при этом не мог вспомнить ни одного слова из того, что говорил этот господин. Так как вообще я довольно злопамятен и не могу забыть ни одной детали рассердившего меня эпизода, то очевидно, что моя амнезия в данном случае мотивировалась известным желанием считаться, щадить жену. Недавно еще произошел со мной подобный же случай: я хотел в разговоре с близким знакомым посмеяться над тем, что моя жена сказала всего несколько часов тому назад; оказалось, однако, что мое намерение невыполнимо по той замечательной причине, что я бесследно забыл слова жены. Пришлось попросить ее же напомнить мне о них. Легко понять, что эту забывчивость надо рассматривать как аналогичную тому расстройству суждения, которому мы подвержены, когда дело идет о близких нам людях.

б) Я взялся достать для приехавшей в Вену иногородней дамы маленькую железную шкапулку для хранения документов и денег. В тот момент, когда я предлагал свои услуги, передо мной с необычайной зрительной яркостью стояла картина одной витрины в центре города, в которой я видел такого рода шкапулки. Правда, я не мог вспомнить название улицы, но был уверен, что стоит мне пройти по городу, и я найду лавку, потому что моя память говорила мне, что я проходил мимо нее бесчисленное множество раз. Однако, к моей досаде, мне не удалось найти витрины со шкапулками, несмотря на то что я исходил эту часть города во всех направлениях. Не остается ничего другого, думал я, как разыскать в справочной книге адреса фабрикантов шкапулок, чтобы затем, обойдя город еще раз, найти искомый магазин. Этого, однако, не потребовалось; среди адресов, имевшихся в справочнике, я тотчас же опознал забытый адрес магазина. Оказалось, что я действительно бесчисленное множество раз проходил мимо его витрины, и это было каждый раз, когда я шел в гости к семейству М., долгие годы жившему в том же доме. С тех пор как это близкое знакомство сменилось полным отчуждением, я обычно, не отдавая себе отчета в мотивах, избегал и этой местности, и этого дома. В тот

³⁵ Обыкновенно затем в ходе разговора частности тогдашнего первого визита всплывают уже сознательно.

раз, когда я обходил город, ища шкатулки, я исходил в окрестностях все улицы и только этой одной тщательно избегал, словно на ней лежал запрет. Мотив нежелания, послуживший в данном случае виной моей неориентированности, здесь вполне осязателен. Но механизм забвения здесь не так прост, как в прошлом примере. Мое нерасположение относится, очевидно, не к фабриканту шкатулок, а к кому-то другому, о котором я не хочу ничего знать; от этого другого оно переносится на данное поручение и здесь порождает забвение. Точно таким же образом в случае с *Биркгардом* досада на одного человека породила описку в имени другого. Если там связь между двумя по существу различными кругами мыслей создалась благодаря совпадению имен, то здесь, в примере с витриной, ту же роль могла сыграть смежность в пространстве, непосредственное соседство. Впрочем, в данном случае имелась налицо еще и более прочная, внутренняя связь, ибо в числе причин, вызвавших разлад с жившим в этом доме семейством, большую роль играли деньги.

в) Контора Б. & Р. приглашает меня на дом к одному из ее служащих. По дороге к нему меня занимает мысль о том, что в доме, где помещается фирма, я уже неоднократно был. Мне представляется, что вывеска этой фирмы в одном из нижних этажей бросилась мне в глаза в то время, когда я должен был подняться к больному на один из верхних этажей. Однако я не могу вспомнить ни что это за дом, ни кого я там посещал. Хотя вся эта история совершенно безразлична и не имеет никакого значения, я все же продолжаю ею заниматься и в конце концов прихожу обычным окольным путем с помощью собирания всего, что мне приходит в голову, к тому, что этажом выше над помещением фирмы Б. & Р. находится пансион *Фишер*, в котором мне не раз приходилось навещать пациентов. Теперь я уже знаю и дом, в котором помещается бюро, и пансион. Загадкой для меня остается все же, какой мотив оказал здесь свое действие на мою память. Не нахожу ничего, о чем было бы неприятно вспомнить, ни в самой фирме, ни в пансионе Фишер, ни в живших там пациентах. Я предполагаю, что дело не идет о чем-нибудь очень неприятном; ибо в противном случае мне вряд ли удалось бы вновь овладеть забытым с помощью окольного пути, не прибегая, как в предыдущем примере, к внешним вспомогательным средствам. Наконец мне приходит в голову, что только что, когда я двинулся в путь к моему новому пациенту, мне поклонился на улице какой-то господин, которого я лишь с трудом узнал. Несколько месяцев тому назад я видел этого человека в очень тяжелом, на мой взгляд, состоянии и поставил ему диагноз прогрессивного паралича; впоследствии я, однако, слышал, что он оправился, так что мой диагноз оказался неверным. (Если только здесь не было случая ремиссии, встречающейся и при *dementia paralytica*, ибо тогда мой диагноз был бы все-таки верен!) От этой встречи и исходило влияние, заставившее меня забыть, в чьем соседстве находилась контора Б. & Р., и тот интерес, с которым я взялся за разгадку забытого, был перенесен сюда с этого случая спорной диагностики. Ассоциативное же соединение было при слабой внутренней связи – выздоровевший, вопреки ожиданиям, был также служащим в большой конторе, обычно посылавшей мне больных, – установлено благодаря тождеству имен. Врач, с которым я совместно осматривал спорного паралитика, носил то же имя Фишер, что и забытый мною пансион.

г) *Заложить* куда-нибудь вещь означает, в сущности, не что иное, как забыть, куда она положена. Как большинство людей, имеющих дело с рукописями и книгами, я хорошо ориентируюсь в том, что находится на моем письменном столе, и могу сразу же достать искомую вещь. То, что другим представляется беспорядком, для меня исторически сложившийся порядок. Почему же я недавно так запрятал присланный мне каталог книг, что невозможно было его найти? Ведь собирался же я заказать обозначенную в нем книгу «О языке», написанную автором, которого я люблю за остроумный и живой стиль и в котором ценю понимание психологии и познания по истории культуры. Я думаю, что именно поэтому я и запрятал каталог. Дело в том, что я имею обыкновение одалживать книги этого автора моим знакомым и недавно еще кто-то, возвращая книгу, сказал: «Стиль его напоминает мне совершенно ваш стиль, и манера

думать та же самая». Говоривший не знал, *что* он во мне затронул этим своим замечанием. Много лет назад, когда я еще был моложе и более нуждался в поддержке, мне то же самое сказал один старший коллега, которому я хвалил медицинские сочинения одного известного автора. «Совершенно ваш стиль и ваша манера». Под влиянием этого я написал автору письмо, прося о более тесном общении, но получил от него холодный ответ, которым мне было указано мое место. Быть может, за этим последним отпугивающим уроком скрываются еще и другие, более ранние, ибо запрятанного каталога я так и не нашел; и это предзнаменование действительно удержало меня от покупки книги, хотя действительного препятствия исчезновения каталога и не представило. Я помнил и название книги, и фамилию автора³⁶.

Другой случай заслуживает нашего внимания благодаря тем условиям, при которых была найдена заложенная куда-то вещь. Один молодой человек рассказывает мне: несколько лет тому назад в моей семье происходили недоразумения, я находил, что моя жена слишком холодна, и, хотя я охотно признавал ее превосходные качества, мы все же относились друг к другу без нежности. Однажды она принесла мне, возвращаясь с прогулки, книгу, которую купила, так как, по ее мнению, она должна была меня заинтересовать. Я поблагодарил за этот знак внимания, обещая прочесть книгу, положил ее куда-то и не нашел уже больше. Так прошел целый ряд месяцев, в течение которых я при случае вспоминал о затерянной книге и тщетно старался ее найти. Около полугода спустя заболела моя мать, которая живет отдельно от нас и которую я очень люблю. Моя жена оставила наш дом, чтобы ухаживать за свекровью. Положение больной стало серьезным, и моя жена имела случай показать себя с лучшей своей стороны. Однажды вечером я возвращаюсь домой в восторге от поведения моей жены и полный благодарности к ней. Подхожу к моему письменному столу, открываю без определенного намерения, но с сомнамбулической уверенностью определенный ящик и нахожу в нем сверху давно исчезнувшую заложенную книгу.

Обозревая случаи закладывания вещей, трудно себе в самом деле представить, чтобы оно когда-либо происходило иначе, как под влиянием бессознательного намерения.

д) Летом 1901 года я сказал как-то моему другу, с которым находился в тесном идейном общении по научным вопросам: «Эти проблемы невроза могут быть разрешены лишь тогда, если мы всецело станем на почву допущения первоначальной бисексуальности индивида». В ответ я услышал: «Я сказал тебе это уже два с половиной года тому назад в Бр., помнишь, во время вечерней прогулки. Тогда ты об этом и слышать ничего не хотел». Неприятно, когда тебе предлагают признать свою неоригинальность. Я не мог припомнить ни разговора, ни этого открытия моего друга. Очевидно, что один из нас ошибся; по принципу *cui prodest* ошибиться должен был я. И действительно, в течение ближайшей недели я вспомнил, что все было так, как хотел напомнить мне мой друг; я знаю даже, что я ответил тогда: «До этого я еще не дошел, не хочу входить в обсуждение этого». С тех пор, однако, я стал несколько терпимее, когда приходится где-нибудь в медицинской литературе сталкиваться с одной из тех немногих идей, которые связаны с моим именем, причем это последнее не упоминается.

Упреки жене; дружба, превратившаяся в свою противоположность; ошибка во врачебной диагностике; отпор со стороны людей, идущих к той же цели; заимствование идей – вряд ли может быть случайностью, что ряд примеров забывания, собранных без выбора, требуют для своего разрешения углубления в столь тягостные темы. Напротив, я полагаю, что любой другой, кто только пожелает исследовать мотивы своих собственных случаев забывания, сможет составить подобную же таблицу неприятных вещей. Склонность к забыванию неприятного имеет, как мне кажется, всеобщий характер, если способность к этому и неодинаково развита

³⁶ Для многих случайностей, которые мы вслед за Th. Vischer'ом приписываем «коварству объекта», я предложил бы аналогичное объяснение.

у всех. Не раз *отрицание* того или другого, встречающееся в медицинской практике, можно было бы, по всей вероятности, свести к *забыванию*³⁷.

Наш взгляд на подобного рода забывание сводит различие между ним и отрицанием к чисто психологическим отношениям и позволяет нам в обеих формах реагирования видеть проявление одного и того же мотива. Из всех тех многочисленных примеров отрицания неприятных воспоминаний, какие мне приходилось наблюдать у родственников больных, у меня сохранился в памяти один особенно странный. Мать рассказывала мне о детстве своего сына, нервнобольного, находящегося в возрасте половой зрелости, и сообщила при этом, что и он, и другие ее дети вплоть до старшего возраста страдали по ночам недержанием мочи, обстоятельство, не лишенное значения в истории нервной болезни. Несколько недель спустя, когда она осведомилась о ходе лечения, я имел случай обратить ее внимание на признаки конституционного предрасположения молодого человека к болезни и сослался при этом на установленное анамнезом недержание мочи. К моему удивлению, она стала отрицать этот факт как по отношению к нему, так и к остальным детям, спросила меня, откуда мне это может быть известно, и узнала наконец от меня, что она сама мне об этом недавно рассказала и теперь позабыла об этом³⁸.

Таким образом, даже и у здоровых, не подверженных неврозу людей можно в изобилии найти указания на то, что воспоминания о тягостных впечатлениях и представления о тягостных *мыслях* наталкиваются на какое-то препятствие. Но оценить все значение этого факта можно, лишь рассматривая психологию невротиков. Подобного рода *стихийное стремление к отпору* представлениям, могущим вызвать ощущение неудовольствия, – стремление, с которым можно сравнить лишь рефлекс бегства при болезненных раздражениях, – приходится отнести к числу главных столпов того механизма, который является носителем истерических симптомов. Неправильно было бы возражение насчет того, что, напротив, сплошь да рядом нет возможности отделаться от тягостных воспоминаний, преследующих нас, отогнать такие тягостные аффекты, как раскаяние, угрызения совести. Мы и не утверждаем, что эта тенденция отпора оказывается везде в силах одержать верх, что она не может в игре психических сил натолкнуться на факторы, стремящиеся по другим мотивам к обратной цели и достигающие ее вопреки этой тенденции. *Архитектоника душевного аппарата основывается, поскольку можно догадываться, на принципе прослойки ряда инстанций, находящихся одна над другой*, и весьма возможно, что это стремление к отпору относится к низшей психической инстанции и парализуется другими, высшими. Во всяком случае, если мы можем свести к этой тенденции отпора такие явления, как случаи забывания, приведенные в наших примерах, то это уже гово-

³⁷ Когда спрашиваешь у человека, не подвергся ли он лет 10 или 15 назад сифилитическому заболеванию, легко забываешь при этом, что опрашиваемое лицо относится к этой болезни психически совершенно иначе, чем, скажем, к острому ревматизму. В анамнезах, которые сообщают родители о своих нервнобольных дочерях, вряд ли можно с уверенностью различить, что позабыто и что скрывается, ибо все то, что может впоследствии помешать замужеству дочери, родители систематически устраниют, т. е. вытесняют.

³⁸ В то время, когда я работал над этими страницами, со мной произошел следующий почти невероятный случай забвения. Я просматриваю 1 января свою врачебную книгу, чтобы выписать гонорарные счета, встречаюсь при этом в рубрике июня месяца с именем М-ль и не могу вспомнить соответствующего лица. Мое удивление возрастает, когда я, перелистывая дальше, замечаю, что я лечил этого больного в санатории и что в течение ряда недель я посещал его ежедневно. Больного, с которым бываешь занят при таких условиях, врач не забывает через каких-нибудь полгода. Я спрашиваю себя: кто бы это мог быть – мужчина, паралитик, неинтересный случай? Наконец при отметке о полученном гонораре мне опять приходит на мысль все то, что стремилось исчезнуть из памяти. М-ль была 14-летняя девочка, самый замечательный случай в моей практике за последние годы; он послужил мне уроком, который я вряд ли забуду, и исход его заставил меня пережить не один мучительный час. Девочка заболела несомненной истерией, которая под влиянием моего лечения обнаружила быстрое и основательное улучшение. После этого улучшения родители взяли от меня девочку; она еще жаловалась на боли в животе, которым принадлежала главная роль в общей картине истерических симптомов. Два месяца спустя она умерла от саркомы брюшных желез. Истерия, к которой девочка была, кроме того, предрасположена, воспользовалась образованием опухоли как провоцирующей причиной, и я, будучи ослеплен шумными, но безобидными явлениями истерии, быть может, не заметил первых признаков подкрадывающейся фатальной болезни.

рит о ее существовании и ее силе. Мы видим, что многое забывается по причинам, лежащим в нем же самом; там, где это невозможно, тенденция отпора передвигает свою цель и устраняет из нашей памяти хотя бы нечто иное, не столь важное, но находящееся в ассоциативной связи с тем, что собственно и вызвало отпор.

Развитая здесь точка зрения, усматривающая в тягостных воспоминаниях особую склонность подвергаться мотивированному забвению, заслуживала бы применения ко многим областям, в которых она в настоящее время еще не нашла себе признания, или если и нашла, то в слишком недостаточной степени. Так, мне кажется, что она все еще недостаточно подчеркивается при оценке показаний свидетелей на суде³⁹, причем приведению свидетеля к присяге явно приписывается чересчур большое очищающее влияние на психическую игру сил. Что при происхождении традиций и исторических сказаний из жизни народов приходится считаться с подобным мотивом, стремящимся вытравить воспоминание обо всем том, что тягостно для национального чувства, признается всеми. Быть может, при более тщательном наблюдении была бы установлена полная аналогия между тем, как складываются народные традиции, и тем, как образуются воспоминания детства у отдельного индивида.

Совершенно так же, как при забывании имен, может наблюдаться ошибочное припоминание и при забывании впечатлений; и в тех случаях, когда оно принимается на веру, оно носит название обмана памяти. Патологические случаи обмана памяти (при паранойе он играет даже роль конструирующего момента в образовании бредовых представлений) породили обширную литературу, в которой я, однако, нигде не нахожу указаний на мотивировку этого явления. Так как и эта тема относится к психологии невроза, то она выходит за пределы рассмотрения в данной связи. Зато я приведу случившийся со мной самым своеобразный пример обмана памяти, на котором можно с достаточной ясностью видеть, как этот феномен мотивируется бессознательным вытесненным материалом и как он сочетается с этим последним.

В то время, когда я писал заключительные главы моей книги о толковании снов, я жил на даче, не имея доступа к библиотекам и справочным изданиям, и был вынужден, в расчете на позднейшее исправление, вносить в рукопись всякого рода указания и цитаты по памяти. В главе о снах наяву мне вспоминалась чудесная фигура бедного бухгалтера из «Набоба» *Альфонса Додэ*, в лице которого поэт, вероятно, хотел изобразить свои собственные мечтания. Мне казалось, что я отчетливо помню одну из тех фантазий, какие вынашивал этот человек (я назвал его *Mr. Jocelyn*), гуляя по улицам Парижа, и начал ее воспроизводить по памяти: как господин *Jocelyn* смело бросается на улице навстречу понесшейся лошади и останавливает ее; дверцы отворяются, из экипажа выходит высокопоставленная особа, жмет господину *Jocelyn* руку и говорит ему: «Вы мой спаситель, я обязана вам жизнью. Что я могу для вас сделать?»

Я утешал себя тем, что ту или иную неточность в передаче этой фантазии нетрудно будет исправить дома, имея книгу под рукой. Но когда я перелистал «Набоба» с тем, чтобы выправить это место моей рукописи, уже готовое к печати, я, к величайшему своему стыду и смущению, не нашел там ничего похожего на такого рода мечты *Mr. Jocelyn*'а, да и этот бедный бухгалтер назывался совершенно иначе: *Mr. Joyeuse*. Эта вторая ошибка дала мне скоро ключ к выяснению моего обмана памяти. *Joyeuse* – это женский род от слова *Joyeux*: так именно я должен был бы перевести на французский язык свое собственное имя *Freud*. Откуда, стало быть, могла взяться фантазия, которую я смутно вспомнил и приписал Додэ? Это могло быть лишь мое же произведение, сон наяву, который мне привиделся, но не дошел до моего сознания; или же дошел когда-то, но затем был основательно позабыт. Может быть, я видел его даже в Париже, где не раз бродил по улицам, одинокий, полный стремлений, весьма нуждаясь в помощнике и покровителе, пока меня не принял в свой круг *Шарко*. Автора «Набоба» я затем неоднократно видел в доме *Шарко*. Досадно в этой истории то, что вряд ли есть еще другой

³⁹ Ср.: *Gross Hans. Kriminalpsychologie. 1898.*

круг представлений, к которому я относился бы столь же враждебно, как к представлениям о протекции. То, что приходится в этой области видеть у нас на родине, отбивает всякую охоту к этому, и вообще с моим характером плохо вяжется положение протеже. Я всегда ощущал в себе необычайно много склонности к тому, чтобы «быть самому дельным человеком». И как раз я должен был получить напоминание о подобного рода – никогда, впрочем, не сбывшихся – снах наяву! Кроме того, этот случай дает хороший пример тому, как задержанное – при паранойе победно пробивающееся наружу – отношение к своему «Я» мешает нам и запутывает нас в объективном познании вещей.

Другой случай обмана памяти, который удалось удовлетворительно объяснить воспоминанием о так называемом *fausse reconnaissance*, о котором ниже (в последней главе). Я рассказал одному из моих пациентов, честолюбивому и очень способному человеку, что один молодой студент написал интересную работу *Der Künstler. Versuch einer Sexualpsychologie* («Художник. Опыт сексуальной психологии») и тем ввел себя в круг моих учеников. Когда эта работа одиннадцать месяцев спустя вышла из печати, мой пациент заявил, что точно помнит, что еще до моего первого сообщения (месяцем или полугодом раньше) он видел где-то, в окне книжного магазина кажется, объявление об этой книге. Эта заметка ему и тогда тотчас же пришла на мысль, и он, кроме того, констатировал, что автор изменил заглавие, потому что она называется уже не «*Versuch*», а «*Ansätze*». Тщательные справки у автора и сравнение дат показало, что мой пациент хочет вспомнить нечто невозможное. Об этой книге нигде не было объявлено до ее печатания, и уж во всяком случае не за одиннадцать месяцев до выхода в свет. Я оставил этот обман памяти без истолкования, но затем тот же господин проделал аналогичную ошибку вторично. Он утверждал, что видел недавно в окне книжного магазина книгу об агорафобии, хотел ее приобрести и разыскивал ее с этой целью во всех каталогах. Мне удалось ему тогда объяснить, почему его старания должны были остаться безуспешными. Работа об агорафобии существовала лишь в его фантазии, как бессознательное намерение, и должна была быть написана им же самим. Его честолюбие, будившее в нем желание поступить подобно тому молодому человеку и подобной же научной работой открыть себе доступ в среду учеников, породило и первый, и второй обман памяти. Он сам потом вспомнил, что объявление книжного магазина, которое дало ему повод к ошибке, относилось к сочинению под заглавием *Genesis. Das Gesetz der Zeugung*. Что же касается упомянутого им изменения заглавия, то оно уже относится на мой счет, так как мне самому удалось вспомнить, что я допустил эту неточность в передаче: *Versuch* вместо *Ansätze*.

Забывание намерений

Ни одна другая группа феноменов не пригодна в такой мере для доказательства нашего положения о том, что слабость внимания сама по себе еще не может объяснить дефектности функции, – как забывание намерений. Намерение – это импульс к действию, уже встретивший одобрение, но выполнение которого отодвинуто до известного момента. Конечно, в течение создавшегося таким образом промежутка времени может произойти такого рода изменение в мотивах, что намерение не будет выполнено, но в таком случае оно не забывается, а пересматривается и отменяется. То забывание намерений, которому мы подвергаемся изо дня в день во всевозможных ситуациях, мы не имеем обыкновения объяснять тем, что в соотношении мотивов появилось нечто новое; мы либо оставляем его просто без объяснения, либо стараемся объяснить его психологически, допуская, что ко времени выполнения уже не оказалось потребного для действия внимания, которое, однако, было необходимым условием для того, чтобы само намерение могло возникнуть, и которое, стало быть, в то время имелось в достаточной для совершения этого действия степени. Наблюдение над нашим нормативным отношением к намерениям заставляет нас отвергнуть это объяснение как произвольное. Если

я утром принимаю решение, которое должно быть выполнено вечером, то возможно, что в течение дня мне несколько раз напоминали о нем; но возможно также, что в течение дня оно вообще не доходило больше до моего сознания. Когда приближается момент выполнения, оно само вдруг приходит мне в голову и заставляет меня сделать нужные приготовления для того, чтобы исполнить задуманное. Если я, отправляясь гулять, беру с собой письмо, которое нужно отправить, то мне, как нормальному и не нервному человеку, нет никакой надобности держать его всю дорогу в руке и высматривать все время почтовый ящик, куда бы его можно было опустить; я кладу письмо в карман, иду своей дорогой и рассчитываю на то, что один из ближайших почтовых ящиков привлечет мое внимание и побудит меня опустить руку в карман и вынуть письмо. Нормальный образ действия человека, принявшего известное решение, вполне совпадает с тем, как держат себя люди, которым было сделано в гипнозе так называемое послегипнотическое внушение на долгий срок⁴⁰. Обычно этот феномен изображается следующим образом: внушенное намерение дремлет в данном человеке, пока не подходит время его выполнения. Тогда оно просыпается и заставляет действовать.

В двоякого рода случаях жизни даже и профан отдает себе отчет в том, что забывание намерений никак не может быть рассматриваемо как элементарный феномен, не поддающийся дальнейшему разложению, и что оно дает право умозаключить о наличности признанных мотивов. Я имею в виду любовные отношения и военную дисциплину. Любовник, опоздавший на свидание, тщетно будет искать оправдания перед своей дамой в том, что он, к сожалению, совершенно забыл об этом. Она ему непременно ответит: «Год тому назад ты бы не забыл. Ты меня больше не любишь». Если бы он даже прибег к приведенному выше психологическому объяснению и пожелал бы оправдаться множеством дел, он достиг бы лишь того, что его дама, став столь же проницательною, как врач при психоанализе, возразила бы: «Как странно, что подобного рода деловые препятствия не случались раньше». Конечно, и она тоже не подвергает сомнению возможность того, что он действительно забыл; она полагает только, и не без основания, что из ненамеренного забвения можно сделать тот же вывод об известном нежелании, как и из сознательного уклонения.

Подобно этому и на военной службе различие между упущением по забывчивости и упущением намеренным принципиально игнорируется – и не без основания. Солдату *нельзя* забывать ничего из того, что требует от него служба. И если он все-таки забывает, несмотря на то что требование ему известно, то потому, что мотивам, побудившим его к выполнению данного требования службы, противопоставляются другие, противоположные. Вольноопределяющийся, который при рапорте захотел бы оправдаться тем, что *забыл* почистить пуговицы, может быть уверен в наказании. Но это наказание ничтожно в сравнении с тем, какому он подвергся бы, если бы признался себе самому и своему начальнику в мотиве своего упущения: «Эта проклятая служба мне вообще противна». Ради этого сокращения наказания, по соображениям как бы экономического свойства, он пользуется забвением как отговоркой, или же оно осуществляется у него в качестве компромисса.

Служение женщине, как и военная служба, требует, чтобы ничто, относящееся к ней, не было забываемо, и дает, таким образом, повод полагать, что забвение допустимо при неважных вещах; при вещах важных оно служит знаком того, что к ним относятся легко, стало быть, не признают их важности. И действительно, наличность психической оценки здесь не может быть отрицаема. Ни один человек не забудет выполнить действий, представляющихся ему самому важными, не навлекая на себя подозрения в душевном расстройстве. Наше исследование может поэтому распространяться лишь на забывание более или менее второстепенных намерений; совершенно безразличным не может считаться никакое намерение, ибо тогда оно, наверное, не возникло бы вовсе.

⁴⁰ Ср.: Bernheim. Neue Studien über Hypnotismus // Suggestion und Psychotherapie. 1892.

Так же как и при рассмотренных выше расстройствах функций, я и здесь собрал и попытался объяснить случаи забывания намерений, которые я наблюдал на себе самом; я нашел при этом, как общее правило, что они сводятся к вторжению неизвестных и непризнанных мотивов, или, если можно так выразиться, к *встроенной воле*. В целом ряде подобных случаев я находился в положении, сходном с военной службой, испытывал принуждение, против которого еще не перестал сопротивляться, и протестовал против него своей забывчивостью. К этому надо добавить, что я особенно легко забываю, когда нужно поздравить кого-нибудь с днем рождения, юбилеем, свадьбой, повышением. Я постоянно собираюсь это сделать и каждый раз все больше убеждаюсь в том, что это мне не удастся. Теперь я уже решился отказаться от этого и воздать должное мотивам, которые этому противятся. Однажды, когда я был еще в переходной стадии, я заранее сказал одному другу, просившему меня отправить также и от его имени к известному сроку поздравительную телеграмму, что я забуду об обеих телеграммах; и неудивительно, что пророчество это оправдалось. В силу мучительных переживаний, которые мне пришлось испытать в связи с этим, я не способен выражать свое участие, когда это приходится по необходимости делать в утрированной форме, ибо употребить выражение, действительно отвечающее той небольшой степени участия, которое я испытываю, – непозволительно. С тех пор как я убедился в том, что не раз принимал мнимые симпатии других людей за истинные, меня возмущают эти условные выражения сочувствия, хотя, с другой стороны, я понимаю их социальную полезность. Соболезнование по случаю смерти изъято у меня из этого двойственного состояния; раз решившись выразить его, я уже не забываю сделать это. Там, где импульс моего чувства не имеет отношения к общественному долгу, он никогда не подвергается забвению.

Столкновением условного долга с внутренней оценкой, в которой сам себе не признаешься, объясняются также и случаи, когда забываешь совершить действия, обещанные кому-нибудь другому в его интересах. Здесь неизменно бывает так, что лишь обещающий верит в смягчающую вину забывчивость, в то время как просящий несомненно дает себе правильный ответ: он не заинтересован в этом, иначе он не забыл бы. Есть люди, которых вообще считают забывчивыми и потому извиняют, подобно близоруким, которые не кланяются на улице⁴¹. Такие люди забывают все мелкие обещания, не выполняют данных им поручений, оказываются, таким образом, в мелочах ненадежными и требуют при этом, чтобы за эти мелкие прегрешения на них не были в претензии, т. е. чтобы не объясняли их свойствами характера, а сводили к органическим способностям. Я сам не принадлежу к числу этих людей и не имел случая проанализировать поступки кого-либо из них, чтобы в выборе объектов забвения найти его мотивировку; но по аналогии невольно напрашивается предположение, что здесь мотивом, утилизирующим конституционный момент для своих целей, является необычайно крупная доля пренебрежения к другому человеку.

В других случаях мотивы забвения не так легко обнаруживаются и, раз будучи найдены, возбуждают немалое удивление. Так, я заметил в прежние годы, что при большом количестве визитов к больным я если забываю о каком-нибудь визите, то лишь о бесплатном пациенте или посещении коллеги. Это было стыдно, и я приучился отмечать себе еще утром предстоящие в течение дня визиты. Не знаю, пришли ли другие врачи тем же путем к этому обыкновению. Но начинаешь понимать, что заставляет так называемого неврастеника отмечать у себя в предсловутой записке все то, что он собирается сообщить врачу. Объясняется это тем, что он не питает доверия к репродуцирующей способности своей памяти. Конечно, это верно, но дело происходит обыкновенно следующим образом. Больной чрезвычайно обстоятельно излагает

⁴¹ Женщины, с их тонким пониманием бессознательных душевных переживаний, обычно склонны скорее принять за оскорбление, когда их не узнают на улице и не кланяются, чем подумать о наиболее правдоподобном объяснении, что провинившийся близорук или задумался и не заметил. Они полагают, что их бы уж заметили, если бы только интересовались ими.

свои жалобы и вопросы; окончив, делает минутную паузу, затем вынимает записку и говорит, извиняясь: я записал себе здесь кое-что, так как я все забываю. Обычно он не находит в записке ничего нового. Он повторяет каждый пункт и отвечает на него сам: да, об этом я уже спросил. По-видимому, он лишь демонстрирует своей запиской один из своих симптомов: то именно обстоятельство, что его намерения часто расстраиваются в силу вторжения неясных мотивов.

Я коснусь дефектов, которыми страдает большинство здоровых людей, которых я знаю, и признаюсь, что я сам, особенно в прежние годы, очень легко и на очень долгое время забывал возвращать одолженные книги или что мне с особенной легкостью случалось, в силу забывчивости, откладывать уплату денег. Недавно я ушел как-то утром из табачной лавки, в которой сделал себе запас сигар на этот день, не расплатившись. Это было совершенно невинное упущение, потому что меня там знают и я мог поэтому ожидать, что на следующий день мне напомнят о долге. Но это небольшое упущение, эта попытка наделать долгов, наверное, не лишена связи с теми размышлениями на следующие темы, которые занимали меня в продолжение предыдущего дня. Вообще, что касается таких тем, как деньги и собственность, то даже у так называемых порядочных людей можно легко обнаружить следы некоторого двойственного отношения к ним. Та примитивная жадность, с какой грудной младенец стремится овладеть всеми объектами (чтобы сунуть их в рот), быть может, вообще лишь в несовременной степени парализовалась культурой и воспитанием⁴².

Боюсь, что со всеми этими примерами я впал прямо-таки в банальность. Но я только могу радоваться, если наталкиваюсь на вещи, которые все знают и одинаковым образом понимают, ибо мое намерение в том и заключается, чтобы собирать повседневные явления и научно использовать их. Я не могу понять, почему той мудрости, которая сложилась на почве обыденного жизненного опыта, должен быть закрыт доступ в круг приобретений науки. Не различие объектов, а более строгий метод их установления и стремление ко всеобъемлющей связи составляют существенный порядок научной работы.

По отношению к намерениям, имеющим некоторое значение, мы в общем нашли, что они забываются тогда, когда против них восстают неясные мотивы. По отношению к намерениям меньшей важности обнаруживается другой механизм забывания: встречная воля переносится на данное намерение с чего-либо другого в силу того, что между этим другим и содержанием данного намерения установилась какая-либо *внешняя* ассоциация. Сюда относится следующий пример. Я люблю хорошую пропускную бумагу и собираюсь сегодня после обеда, идя во внутреннюю часть города, закупить себе новый запас. Однако в течение четырех дней подряд я об этом забываю, пока не задаю себе вопроса о причине этого. Нахожу ее без труда, вспомнив, что если в письме обозначена пропускная бумага словом *Löschpapier*, то говорю я обыкновенно *Fliesspapier*. *Fliess* же – имя одного из моих друзей в Берлине, подавшего мне в эти дни повод к мучительным мыслям и заботам. Отделаться от этих мыслей я не могу, но склонность к отпору

⁴² Из соображений единства темы позволительно будет отступить здесь от принятого мной деления и прибавить к выше-сказанному, что по отношению к денежным делам человеческая память обнаруживает особую предвзятость. Обман памяти, при котором думаешь, что уже заплатил, бывает, как я это знаю по себе, чрезвычайно упорен. Там, где стремление к наживе проявляется за пределами крупных жизненных интересов, стало быть скорее в шутку, и где поэтому ему представляется полная свобода, как, например, в карточной игре, честнейшие люди бывают склонны к ошибкам, погрешностям памяти и счета и оказываются, неведомым для них самих образом, повинными в мелких обманах. В этой свободе в немалой степени крепится психически освежающее значение игры. Поговорку о том, что в игре узнается характер человека, надо признать верной, с одним лишь дополнением: узнаются подавленные черты характера. Если у кельнеров еще бывают нечаянные ошибки в счете, на них, очевидно, нужно смотреть так же. В купеческом сословии часто можно наблюдать известное оттягивание выдачи денежных сумм – при уплате по счетам и т. п., – которое собственнику ничего не дает и которое следует понимать только психологически, как проявление нежелания расставаться с деньгами. С наиболее интимными и менее всего выясненными побуждениями связывается и тот факт, что как раз женщины обнаруживают особенную неохоту расплачиваться с врачом. Обыкновенно они забывают портмоне и потому во время визита не могут заплатить, затем систематически забывают прислать из дому гонорар, и в результате лечишь их даром – «ради их прекрасных глаз». Они уплачивают как бы своими взглядами.

проявляется, переносясь вследствие созвучия слов на безразличное и потому менее устойчивое намерение.

В следующем случае отсрочки непосредственная встречная воля совпадает с более определенной мотивировкой. Я написал для издания «Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens» небольшую статью о сне, резюмирующую мое «Толкование сновидений». Г. Бергман посылает мне из Висбадена корректуру и просит ее просмотреть немедленно, так как хочет издать этот выпуск еще до Рождества. В ту же ночь я выправляю корректуру и кладу ее на письменный стол, чтобы взять с собой утром. Утром я, однако, забываю о ней и вспоминаю лишь после обеда при виде бандероли, лежащей на моем столе. Точно так же забываю я о корректуре и после обеда, вечером и на следующее утро; наконец я беру себя в руки и на следующий день после обеда опускаю ее в почтовый ящик, недоумевая, каково могло бы быть основание этой отсрочки. Очевидно, я ее не хочу отправить, не знаю только почему. Во время этой же прогулки я отправляюсь к своему венскому издателю, который издал также мое «Толкование сновидений», делаю у него заказ и вдруг, как бы под влиянием какой-то внезапной мысли, говорю ему: «Вы знаете, я написал „Толкование сновидений“ вторично». – «О, я просил бы вас тогда...» – «Успокойтесь, это лишь небольшая статья для издания Löwenfeld Kurella». Он все-таки был недоволен, боясь, что статья эта повредит сбыту книги. Я возражал ему и наконец спросил: «Если бы я обратился к вам раньше, вы бы запретили мне издать эту вещь?» – «Нет, ни в коем случае». Я и сам думаю, что имел полное право так поступить и не сделал ничего такого, что не было бы принято; но мне представляется бесспорным, что сомнение, подобное тому, какое высказал мой издатель, было мотивом того, что я оттягивал отправку корректуры. Сомнение это было вызвано другим, более ранним случаем, когда у меня были неприятности с другим издателем из-за того, что я по необходимости перенес несколько страниц из моей работы о церебральном параличе у детей, появившейся в другом издательстве, в статью, написанную на ту же тему для справочной книги *Нотнагеля*. Но и тогда упреки были несправедливы; и тогда я вполне лояльно известил о своем намерении первого издателя. Восстанавливая далее свои воспоминания, я припоминаю еще один случай, когда при переводе с французского я действительно нарушил права автора. Я снабдил перевод примечаниями, не спросив на то согласия автора, и спустя несколько лет имел случай убедиться, что автор был недоволен этим самоуправством.

По-немецки есть поговорка, выражающая ходячую истину, что забывание чего-нибудь никогда не бывает случайным.

Забывание объясняется иногда также и тем, что можно было бы назвать «ложными намерениями». Однажды я обещал одному молодому автору дать отзыв о его небольшой работе, но, в силу внутренних, неизвестных мне противодействий, все откладывал, пока наконец, уступая его настояниям, не обещал, что сделаю это в тот же вечер. Я действительно имел вполне серьезное намерение так и поступить, но забыл о том, что на тот же вечер было назначено составление другого, неотложного отзыва. Я понял благодаря этому, что мое намерение было ложно, перестал бороться с испытываемым мной противодействием и отказал автору.

Действия, совершаемые по ошибке

Заимствую еще одно место из ценной работы Мерингера и Мейера:

«Обмолвки не являются чем-либо единственным в своем роде. Они соответствуют погрешностям, часто наблюдаемым и при других функциях человека и обозначаемым, довольно бессмысленно, словом „забывчивость“».

Таким образом, не я первый заподозрил в мелких функциональных расстройствах повседневной жизни здоровых людей смысл и преднамеренность.

Если подобное объяснение допускают погрешности речи – а речь ведь не что иное, как моторный акт, – то легко предположить, что те же ожидания оправдываются и в применении к погрешностям прочих наших моторных отправлений. Я различаю здесь две группы явлений: все те случаи, где самым существенным представляется ошибочный эффект, стало быть, уклонение от намерения я обозначаю термином *Vergreifen* – «*действия, совершаемые по ошибке*»; другие же, в которых скорее весь образ действий представляется целесообразным, я называю «*симптоматическими и случайными действиями*». Деление это не может быть проведено с полной строгостью; мы вообще начинаем понимать, что все деления, употребляемые в этой работе, имеют лишь описательную ценность и противоречат внутреннему единству наблюдаемых явлений.

В психологическом понимании «ошибочных действий» мы, очевидно, не продвинемся вперед, если отнесем их в общую рубрику атаксии и специально «атаксии мозговой коры». Попытаемся лучше свести отдельные случаи к определяющим их условиям. Я обращаюсь опять к примерам из моего личного опыта, не особенно, правда, частым у меня.

а) В прежние годы, когда я посещал больных на дому еще чаще, чем теперь, нередко случалось, что, придя к двери, в которую мне следовало постучать или позвонить, я доставал из кармана ключ от моей собственной квартиры, с тем чтобы опять спрятать его, едва ли не со стыдом. Сопоставляя, у каких больных это бывало со мной, я должен признать, что это ошибочное действие, – вынуть ключ вместо того, чтобы позвонить, означало известную похвалу тому дому, где это случалось. Оно было равносильно мысли: «здесь я чувствую себя как дома», ибо происходило лишь там, где я полюбил больного. (У двери моей собственной квартиры я, конечно, никогда не звоню.) Ошибочное действие было, таким образом, символическим выражением мысли, в сущности не предназначавшейся к тому, чтобы быть серьезно, сознательно допущенной, так как на деле психиатр прекрасно знает, что больной привязывается к нему лишь на то время, пока ожидает от него чего-нибудь, и что он сам если и позволяет себе испытывать чрезмерно живой интерес к пациенту, то лишь в целях оказания психической помощи.

б) В одном доме, в котором я шесть лет кряду дважды в день в определенное время стою у дверей второго этажа, ожидая, пока мне откроют, мне случилось за все это долгое время два раза (с небольшим перерывом) взойти этажом выше, «забраться чересчур высоко». В первый раз я испытывал в это время честолобивый «сон наяву», грезил о том, что «поднимаюсь все выше и выше». Я не услышал даже, как отворилась соответствующая дверь, когда я уже начал всходить на первые ступеньки третьего этажа. В другой раз я прошел слишком высоко, тоже «погруженный в мысли»; когда я спохватился, вернулся назад и попытался схватить владевшую мной фантазию, то я нашел, что я сердился по поводу (воображаемой) критики моих сочинений, в которой мне делался упрек, что я постоянно «иду слишком далеко», – упрек, который у меня мог связаться с не особенно почтительным выражением: «занесся слишком высоко».

в) На моем столе долгие годы лежат рядом перкуSSIONный молоток и камертон. Однажды по окончании приемного часа я тороплюсь уйти, потому что хочу поспеть к определенному поезду городской железной дороги, кладу среди белого дня в карман сюртука вместо молотка камертон и лишь благодаря тому, что он не оттягивает мне карман, замечаю свою ошибку.

Кто не привык задумываться над такими мелочами, несомненно объяснит, назвав эту ошибку спешкой. Однако я предпочел поставить себе вопрос, почему я все-таки взял камертон вместо молотка. Спешка могла точно так же служить мотивом и к тому, чтобы взять сразу нужный предмет, чтобы не терять времени на обмен.

Кто был последним державшим в руках камертон – вот вопрос, который напрашивается мне здесь. Его держал на днях *идиот-ребенок*, у которого я исследовал степень внимания к чувственным ощущениям, которого камертон в такой мере привлек к себе, что мне лишь с трудом удалось его отнять. Что же, это должно означать, что я идиот? Как будто бы и так, ибо первое, что ассоциируется у меня со словом «молоток» (Hammer), – это «хамер» – по-древнееврейски «осел».

Что должна означать эта брань? Надо рассмотреть ситуацию. Я спешу на консультацию в местность, лежащую при Западной железной дороге, к больному, который, согласно сообщенному мне письменно анамнезу, несколько месяцев тому назад упал с балкона и с тех пор не может ходить. Врач, приглашающий меня, пишет, что он не может все же определить, повреждение ли здесь спинного мозга или травматический невроз – истерия. Это мне и предстоит решить. Здесь, стало быть, уместно будет напоминание – соблюдать особую осторожность в этом тонком дифференциальном диагнозе. Мои коллеги и без того думают, что мы слишком легкомысленно ставим диагноз истерии в то время, когда на самом деле имеется налицо нечто более серьезное. Но мы все еще не видим достаточных оснований для брани! Да, надо еще добавить, что на той же самой железнодорожной станции я видел несколько лет тому назад молодого человека, который со времени одного сильного переживания не мог как следует ходить. Я нашел у него тогда истерию, подверг его психическому лечению, и тогда оказалось, что если мой диагноз и не был ошибочен, то он не был и верен. Целый ряд симптомов у больного носили характер истерический, и по мере лечения они действительно быстро исчезали. Но за ними обнаружился остаток, не поддававшийся терапии и оказавшийся множественным склерозом. Врачи, видевшие больного после меня, без труда заметили органическое поражение; я же вряд ли мог бы иначе действовать и судить; но впечатление у меня все-таки осталось как о тягостной ошибке; я обещал вылечить больного и, конечно, не мог сдержать этого обещания. Таким образом, ошибочное движение, которым я схватился за камертон вместо молотка, могло быть переведено следующим образом: идиот, осел ты этакий, возьми себя в руки на этот раз и не поставь опять диагноза истерии, где дело идет о неизлечимой болезни, как это уже случилось раз в той же местности с этим несчастным человеком! К счастью для этого маленького анализа, пусть и к несчастью для моего настроения, этот самый человек, страдавший тяжелым спастическим параличом, был у меня на приеме всего несколькими днями раньше, на следующий день после идиота-ребенка.

Нетрудно заметить, что на этот раз в ошибочном действии дал о себе знать голос самокритики. Для этого рода роли – упрека самому себе – ошибочные действия особенно пригодны. Ошибка, совершенная здесь, изображает собою ошибку, сделанную где-либо в другом месте.

г) Само собой разумеется, что действия, совершаемые по ошибке, могут служить также и целому ряду других неясных намерений. Вот пример этого. Мне очень редко случается разбивать что-нибудь. Я не особенно ловок, но в силу анатомической нетронутости моих первому-скульных аппаратов у меня, очевидно, нет данных для совершения таких неловких движений, которые привели бы к нежелательным результатам. Так что я не могу припомнить в моем доме ни одного предмета, который бы я разбил. В моем рабочем кабинете тесно, и мне часто приходилось в самых неудобных положениях перебирать античные предметы из глины и камня, которых у меня имеется маленькая коллекция, так что бывшие при этом лица выражали опасение, как бы я не уронил и не разбил чего-нибудь. Однако этого никогда не случалось. Почему же я бросил на пол и разбил мраморную крышку моей простой чернильницы?

Мой письменный прибор состоит из мраморной подставки с углублением, в которое вставляется стеклянная чернильница; на чернильнице – крышка с шишечкой, тоже из мрамора. За письменным прибором расставлены бронзовые статуэтки и терракотовые фигурки. Я сажусь за стол, чтобы писать, делаю рукой, в которой держу перо, замечательно неловкое движение по направлению от себя и сбрасываю на пол уже лежавшую на столе крышку. Объяснение найти нетрудно. Несколькими часами раньше в комнате была моя сестра, зашедшая посмотреть некоторые вновь приобретенные мной вещи. Она нашла их очень красивыми и сказала затем: «Теперь твой письменный стол имеет действительно красивый вид, только письменный прибор не подходит к нему. Тебе нужен другой, более красивый». Я провожал сестру и лишь несколькими часами позже вернулся назад. И тогда я, по-видимому, произвел экзекуцию над осужденным прибором. Заключил ли я из слов сестры, что она решила к ближайшему празднику подарить мне более красивый прибор, и я разбил некрасивый старый, чтобы заставить ее исполнить намерение, на которое она намекнула? Если это так, то движение, которым я швырнул крышку, было лишь мнимо неловким; на самом деле оно было в высшей степени ловким, так как сумело пощадить и обойти все более ценные объекты, находившиеся поблизости.

Я думаю в самом деле, что именно такого взгляда и следует держаться по отношению к целому ряду якобы случайных неловких движений. Верно, что они несут на себе печать насилия, швыряния, чего-то вроде спастической атаксии, но они обнаруживают вместе с тем известное намерение и попадают в цель с уверенностью, которой не всегда могут похвастаться и заведомо произвольные движения. Обе эти отличительные черты – характер насилия и меткость – они, впрочем, разделяют с моторными проявлениями истерического невроза, отчасти и с моторными актами сомнамбулизма, что, надо полагать, указывает здесь, как и там, на одну и ту же неизвестную модификацию иннервационного процесса.

В последние годы, с тех пор как я начал собирать такого рода наблюдения, мне случалось еще несколько раз разбивать или ломать предметы, имеющие известную цену, но исследование этих случаев убедило меня, что это ни разу не было действием простого случая или намеренной неловкости. Так, однажды утром, проходя по комнате в купальном костюме, с соломенными туфлями на ногах, я, повинувшись внезапному импульсу, швырнул одну из туфель об стену так, что она свалила с консоли красивую маленькую мраморную Венеру. Статуэтка разбилась вдребезги, я же в это время преспокойным образом стал цитировать стихи Буша:

Ach! Die Venus ist perdü —
Klickeradoms! – Von Medici!

Эта дикая выходка и спокойствие, с которым я отнесся к тому, что натворил, объясняются тогдашним положением вещей. У нас в семействе была тяжелобольная, в выздоровлении которой я в глубине души уже отчаялся. В это утро я узнал о крупном улучшении и знаю, что я сам сказал себе: значит, она все-таки будет жить. Охватившая меня затем жажда разрушения послужила мне средством выразить благодарность судьбе и произвести известного рода «жертвенное действие», словно я дал обет: если она выздоровеет, я принесу в жертву тот или иной предмет! Если я для этой жертвы выбрал как раз Венеру Медицейскую, то в этом должен заключаться, очевидно, галантный комплимент больной; но непонятным остается мне и на этот раз, как это я так быстро решился, так ловко прицелился и не попал ни в один из стоявших в ближайшем соседстве предметов.

Другой случай, когда я опять-таки воспользовался пером, выпавшим из моей руки, для того чтобы разбить одну вещицу, имел тоже значение жертвы, но на этот раз *просительной жертвы*, стремившейся отвратить нечто грозящее. Я позволил себе раз сделать моему верному и заслуженному другу упрек, основывавшийся исключительно на толковании известных симптомов его бессознательной жизни. Он обиделся и написал письмо, в котором просил меня

не подвергать моих друзей психоанализу. Пришлось признать, что он прав, и я написал ему успокоительный ответ. В то время как я писал это письмо, предо мной стояло мое новейшее приобретение – великолепно глазированной египетская фигурка. Я разбил ее указанным выше способом и тотчас же понял, что я сделал это, чтобы избежать другой, большей беды. К счастью, и статуэтку, и дружбу удалось вновь скрепить так, что трещина стала совершенно незаметной.

Третий случай находится в менее серьезной связи; это была лишь, употребляя выражение Th. Vischer'a, замаскированная «эзекуция» над объектом, который мне перестал нравиться. Я некоторое время носил палку с серебряным набалдашником; как-то раз, не по моей вине, тонкая серебряная пластинка была повреждена и плохо починена. Вскоре после того, как палка вернулась ко мне, я зацепил, играя с детьми, набалдашник за ногу одного из ребят; при этом он, конечно, сломался пополам, и я был от него избавлен.

То равнодушие, с которым во всех этих случаях относишься к причиненному ущербу, может служить доказательством, что при совершении этого действия имелось налицо бессознательное намерение.

Случаи, когда роняешь, опрокидываешь, разбиваешь что-либо, служат, по-видимому, очень часто проявлением бессознательных мыслей; иной раз это можно доказать анализом, но чаще об этом можно догадываться по тем суеверным или шуточным толкованиям, которые связываются с подобного рода действиями в устах народа. Известно, какое толкование дается, например, когда кто-нибудь просыплет соль, или опрокинет стакан с вином, или уронит нож так, чтобы он воткнулся стоймя, и т. д. О том, в какой мере эти суеверные толкования могут претендовать на признание, я буду говорить ниже; здесь будет лишь уместно заметить, что отдельный неловкий акт отнюдь не имеет постоянного значения; смотря по обстоятельствам, он употребляется как средство выражения того или иного намерения.

Когда прислуга роняет и уничтожает таким образом хрупкие предметы, то, наверное, никто не подумает при этом прежде всего о психологическом объяснении, и, однако, здесь тоже не лишена вероятности некоторая доля участия тайных мотивов. Ничто так не чуждо необразованным людям, как способность ценить искусство и художественные произведения. Наша прислуга охвачена чувством глухой вражды по отношению к этим предметам, особенно тогда, когда вещи, ценности которых она не видит, становятся для нее источником труда. Люди того же происхождения и стоящие на той же ступени образования нередко обнаруживают в научных учреждениях большую ловкость и надежность в обращении с хрупкими предметами, но это бывает тогда, когда они начинают отождествлять себя с хозяином и причислять себя к главному персоналу данного учреждения.

Когда случается уронить самого себя, оступиться, поскользнуться – это тоже не всегда нужно толковать непременно как случайный дефект моторного акта. Двусмысленность самих этих выражений (*einen Fehltritt machen* – *оступиться* и *сделать ложный шаг*) указывает уже на то, какой характер могут иметь скрытые фантазии, проявляющиеся в этой потере телесного равновесия. Я вспоминаю целый ряд легких нервных заболеваний у женщин и девушек, которые наступают после падения без ушибов и рассматриваются как травматическая истерия, вызванная испугом при падении. Я уже тогда выносил такое впечатление, что связь между событиями здесь иная, что само падение было как бы подстроено неврозом и служило выражением тех же бессознательных фантазий с сексуальным содержанием, которые скрываются за симптомами и являются движущими силами их. Не это ли имеет в виду и пословица «Когда девица падает, то падает на спину»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.